

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЕВ

Мастер Разломов

ТОМ I

Александр Василев

Мастер Разломов Том I

<https://litres.ru/74273728>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где разломы между реальностями открываются без предупреждения, беднякам обычно остаётся только одно — умирать первыми.

Макар Лютов был вором, драчуном и браконьером из беднейшего квартала областного города. Его подстрелили херцогские ловчие в запретной чаще — за попытку добыть мясо для больной матери и младшего брата.

Но в умирающем теле очнулась душа старого инженера из другого мира.

Вместе с ней пробудился дар — Контур. Теперь Макар видит слабые точки конструкций, людей, домов и разломов между мирами. Там, где другие бросаются к ядру с мечом, он видит аварийную систему: нагрузку, опоры, узлы и момент, когда катастрофу можно остановить.

Но бедняку с таким даром трудно остаться незамеченным.

Особенно если он уже закрыл разлом, который не должен был закрыться.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2. Аварийное состояние	42
Глава 3. Первый ремонт	63
Глава 4. Пред разрывная фаза	89
Глава 5. Писарь хуже стражника	118
Глава 6. Первая работа	146
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Александр Василев

Мастер Разломов Том I

Название: Мастер Разломов Том I

Автор(-ы): Александр Василев

Ссылка: <https://author.today/work/583464>

Пролог

Иногда человек умирает не тогда, когда сердце останавливается.

Иногда он умирает раньше — когда перестаёт удивляться тому, что всё ещё держится.

Трубы. Давление. Старые фланцы, которые давно пора менять, но начальство снова просит “дотянуть до планового ремонта”. Люди, которые курят там, где нельзя. Манометры, дрожащие на красной черте. Пар, выбивающийся из микро-трещины так тонко, что неопытный глаз увидит просто белёсую нитку, а опытный уже мысленно считает, сколько секунд осталось до аварийного сброса.

Я слишком долго прожил среди таких вещей.

На нефтепереработке быстро учишься одному: катастрофа редко приходит внезапно. Обычно она вежливо предупреждает. Скрипом. Запахом. Неправильной вибрацией под ладонью. Каплей там, где должно быть сухо. Тенью на сварном шве. Чуть изменившимся голосом насоса.

Мир всегда говорит, прежде чем ломается.

Просто люди редко слушают.

Я слушал.

Сорок с лишним лет слушал железо, пар, воду, нефть, чужую усталость, собственные суставы и ночные звонки, после которых жена уже не спрашивала, куда я собираюсь. Она

просто молча подавала мне куртку. Потом её не стало. Потом я вышел на пенсию. Потом оказалось, что тишина в доме шумит громче цеха.

Старость — странная штука. Сначала ты радуешься, что больше не надо вставать по тревоге. Потом начинаешь скучать по тревоге, потому что она хотя бы объясняла, зачем ты всё ещё нужен.

Не знаю, от чего я умер.

Может, сердце. Может, сосуд. Может, просто пришёл тот самый день, когда старый механизм, слишком долго работавший на честном слове, наконец решил остановиться.

Помню только, что сидел на кухне. Чай остыл. За окном шёл мокрый снег. В груди кольнуло не сильно — даже обидно как-то, без драматизма, без последней красивой мысли. Я успел только положить ладонь на край стола и подумать, что дерево тоже старое, но держится.

Потом мир треснул.

Не погас. Не исчез. Именно треснул.

Сначала я услышал звук.

Не гром. Не взрыв. Не хруст кости. Это было похоже на то, как рвётся металл под нагрузкой — медленно, с внутренним стоном, когда ещё секунду назад конструкция казалась целой, а потом по ней проходит невидимая линия, и всё уже решено.

Перед глазами вспыхнула темнота.

Да, именно вспыхнула.

В ней были линии. Узлы. Тонкие светящиеся нити, уходящие в стороны, словно кто-то разрезал мир и показал мне его изнанку. Я ничего не понимал, но почему-то знал: это не сон. Сны так не пахнут. А там пахло мокрой землёй, кровью, холодными листьями и чем-то чужим — острым, металлическим, как воздух после короткого замыкания.

Я падал.

Или меня тянуло.

Или я сам уже был трещиной, через которую кто-то пытался протолкнуть остатки моей души.

Потом всё ударило сразу.

Боль.

Грязь под щекой.

Холод, вгрызающийся в пальцы.

Тяжёлое дыхание — моё, но не моё. Молодое, рваное, испуганное. Тело лежало ничком в мокрых листьях, и в правом боку жгло так, будто туда загнали раскалённый прут.

Я открыл глаза.

Передо мной была земля. Чёрная, влажная, с прошлогодней листвой, липкой от дождя. Между листьями полз тонкий жук с прозрачными крыльями. Я почему-то запомнил именно его. В такие минуты мозг цепляется за глупости, потому что правда слишком велика, чтобы её сразу выдержать.

Я попытался вдохнуть.

Получилось плохо.

Боль в боку вспыхнула, и мир на мгновение поплыл. Я

хотел выругаться, но из горла вырвался только хрип. Голос был чужой. Слишком молодой. Слишком сорванный.

Надо оценить повреждения.

Мысль пришла привычно, почти спокойно.

Не вставать резко. Не дёргаться. Понять, где рана. Есть ли кровотечение. Есть ли опасность рядом.

Я пошевелил пальцами. Пальцы слушались. Хорошо. Левую руку удалось подвести к боку. Под ладонью была ткань, мокрая и тёплая. Кровь.

Я осторожно нащупал край раны и замер.

Не пуля.

Стрела.

Или арбалетный болт.

Память на секунду отказалась принимать эту информацию. В моём мире люди не просыпались в лесу с болтом в боку. В моём мире были скорые, больницы, операционные, протоколы. В моём мире за такое писали отчёты, поднимали полицию и долго ругались по телефону.

А здесь над головой шумели деревья.

Где-то далеко протяжно протрубил рог.

Потом второй.

Ближе.

Я не знал, кто трубит, но тело узнало раньше меня. В нём поднялся такой животный ужас, что пальцы сами вцепились в землю.

Ловчие.

Слово всплыло из чужой памяти, как пузырь из болотной тины.

Херцогские ловчие.

Запретная чаша.

Браконьер.

Я стиснул зубы и попытался перевернуться на спину. Вышло со второго раза. Надо мной качались чёрные ветви. Между ними висело низкое серое небо. Мир был слишком резким, слишком живым, слишком холодным.

И чужие воспоминания начали приходить.

Не потоком — осколками.

Женщина на узкой лежанке, кашляющая в тряпицу. Тонкие руки. Запавшие глаза. Запах дешёвого отвара и сырости.

Мальчишка лет десяти, прячущий под рубахой кусок чёрствого хлеба и делающий вид, что уже ел.

Грязный двор между покосившимися домами.

Кулак, разбивающий губу чужому парню.

Кошель, срезанный у пьяного приказчика.

Нож в сапоге.

Смех приятелей у стены старой бойни.

И голод. Постоянный, тупой, унижительный голод, от которого человек сначала худеет, потом злится, а потом начинает считать чужую собственность просто плохо охраняемой едой.

Я зажмурился.

Не моё.

Всё это было не моё.

Но боль в боку была моя. Холод был мой. Дыхание было моё. И рога, приближающиеся сквозь лес, тоже, кажется, были уже за мной.

Я осторожно приподнял голову.

Метрах в двадцати впереди лежал заяц. Вернее, что-то похожее на зайца — крупное, длинноногое, с серой шерстью и маленькими рогами над глазами. В его боку торчала самодельная стрела. Рядом валялся лук.

Вот зачем он пришёл сюда.

Не за подвигом.

Не за вызовом херцогу.

За мясом.

Дома умирала мать. Младший брат снова врал, что не голоден. А в городе за краденое били, за долги продавали, за бедность презирали, но за браконьерство в херцогской чаще убивали без разговоров.

Этот мальчишка знал риск.

И всё равно пошёл.

Глупо.

Отчаянно.

Почти правильно.

Я попытался подтянуться к ближайшему дереву. Руки скользили в грязи. Боль ударила так, что я едва не потерял сознание. В ушах зазвенело.

И тогда перед глазами появились буквы.

Не на коре. Не в воздухе. Будто прямо внутри зрения, на внутренней стороне черепа.

[Контур активирован] Носитель прошёл через межмировой разлом. Структура души: изменена. Тело: критическое повреждение. Совместимость: нестабильная. Доступен навык: Структурное зрение — 0.1 % Внимание: длительный анализ вызывает перегрузку нервной системы.

Я моргнул.

Буквы остались.

Потом мир вокруг на мгновение стал другим.

Деревья покрылись тонкими линиями. Ветви, стволы, корни — всё вдруг сложилось в сеть напряжений и опор. Я видел, какое дерево гнилое внутри. Видел, где ветка сломается при сильном ветре. Видел, как мокрая земля держит корни и где склон может поехать вниз, если по нему пройдёт тяжёлая лошадь.

Слишком много.

Слишком резко.

Голову пронзила боль, такая белая и чистая, что я вскрикнул. Линии погасли. Перед глазами запрыгали тёмные пятна.

Думай.

Не весь лес.

Не вся система.

Только тело.

Только рана.

Я вцепился пальцами в мокрую землю и заставил себя ды-

шать. Медленно. Как в аварийной. Сначала участок. Потом узел. Потом причина. Нельзя смотреть на весь завод сразу, если горит одна линия. Сначала локализуй.

Рана.

Только рана.

[Объект: тело носителя] Повреждение: проникающее ранение правого бока. Инородный объект: арбалетный болт. Кровопотеря: значительная. Стабильность состояния: 31% Критический риск: извлечение болта приведёт к резкому усилению кровотечения. Рекомендация: не извлекать. зафиксировать. снизить нагрузку. покинуть зону угрозы.

— Спасибо, — прохрипел я. — Очень вовремя.

Говорить с собственными галлюцинациями было плохим признаком. Но умирать от глупости — ещё хуже.

Рога прозвучали снова.

Ближе.

Я повернул голову и увидел между деревьев слабое мерцание. Сначала решил, что это блик на воде. Потом понял: нет.

Воздух там был надрезан.

Тонкая вертикальная щель висела между двумя старыми соснами. Почти невидимая, с рваными краями, как трещина в стекле. Из неё тянуло холодом и сухим пепельным запахом. Земля вокруг почернела. Листья у края щели медленно поднимались вверх, будто их втягивало невидимым сквозняком.

Разлом.

Я не знал этого слова.

И знал.

[Обнаружен малый межмировой разлом]Класс: ЕСта-
бильность контура: 18%Фаза: затухание.Ядро: не сформиро-
вано.Опорные узлы: 2Риск выброса: низкий.Риск повторного раскрытия: 64%

Боль снова полоснула по вискам, но теперь я удержал
взгляд. Не весь разлом. Только края. Только опоры.

Две точки.

Одна в корнях слева. Другая в камне у основания сосны.

Он держался на них, как временная подпорка на двух гни-
лых стойках. Стоило нарушить одну — разлом мог дёрнуть-
ся. Стоило нарушить обе неправильно — могло выплюнуть
что-нибудь наружу. Но если снять нагрузку последователь-
но...

Я закашлялся и почувствовал во рту кровь.

Не сейчас.

Не до теории.

В кустах хрустнула ветка.

Голоса.

— Тут кровь!

— Далеко не ушёл, щенок.

— Живым брать?

Короткий смешок.

— Зачем? Милорд сказал: браконьеров в чаще не бывает.

Бывают только трупы.

Очень хорошее уточнение.

Я сжал зубы и пополз.

Не от них.

К разлому.

Потому что, как ни странно, именно рядом с этой трещиной мир был неправильным настолько, что мог скрыть мою неправильность. А ещё потому, что старый инженер внутри меня уже понял: если система нестабильна, её можно использовать. Главное — не перепутать рычаг с могильной плитой.

Каждый метр давался как маленькая смерть.

Рука. Локоть. Колено. Не задеть болт. Не дать ему повернуться. Дышать коротко. Не стонать.

Я добрался до камня и почти рухнул на него грудью. Перед глазами снова вспыхнули линии. Опора. Слабая. Перегруженная. Камень держал край разлома не потому, что был важен сам по себе, а потому что под ним проходила тонкая жила — тёмная, чужая, как застывшая молния в земле.

Я нашарил рядом обломок ветки.

Голоса были уже совсем близко.

— Вон он!

— Лежит, падаль.

— Осторожно. Чаша сегодня дурная.

Я ударил веткой по камню.

Раз.

Слабо.

Ещё.

Боль в боку вспыхнула, из горла вырвался хрип.

Третий удар пришёлся в нужную трещину.

Камень сдвинулся.

Разлом дрогнул.

Воздух коротко взвыл, как труба перед разрывом. Листья взметнулись вверх. Один из ловчих выругался. Второй закричал, но не от боли — от неожиданности.

[Опорный узел 1: нарушен]Стабильность контура: 9%Внимание:началось неуправляемое схлопывание.

Неуправляемое — плохо.

Очень плохо.

Я повернулся к корням слева. До них было меньше шага, но для моего тела это расстояние казалось целой сменой по аварийному цеху после трёх бессонных ночей.

Надо было нарушить второй узел не ударом. Снять. Разгрузить.

Корень торчал из земли дугой. Я вцепился в него обеими руками и потянул на себя. Тело взвыло. В глазах потемнело. Болт в боку шевельнулся, и я едва не отключился.

Нет.

Не сейчас.

Ещё.

Корень хрустнул.

И мир резко втянул в себя собственный крик.

Щель между соснами сложилась. Не закрылась дверью, не погасла огнём — именно сложилась, как неправильно на-

тянутая ткань, у которой внезапно отпустили края. Воздух хлопнул. Меня ударило волной холода и швырнуло лицом в грязь.

[Разлом класса Е закрыт]Метод: структурное схлопывание.Ядро не уничтожено: отсутствовало.Навык:Структурное зрение +0.3%Навык:Диагностика устойчивости +0.2%Перегрузка нервной системы: высокая.Рекомендуется отдых.

Отдых.

Я почти рассмеялся, но не хватило воздуха.

Где-то рядом кричали люди. Один из ловчих ругался так, будто у него из-под ног ушла земля. Возможно, так и было. Второй звал третьего. Лошади били копытами.

Я лежал, уткнувшись щекой в мокрые листья, и пытался не умереть окончательно.

И тогда память тела наконец сложилась в имя.

Меня звали Макар Лютов.

Не сразу. Сначала были мокрые листья под щекой, вкус крови во рту и такая боль в боку, будто кто-то вогнал туда раскалённый лом. Потом — обрывки чужой памяти. Крик матери за тонкой стеной. Младший брат, делящий корку хлеба на две неровные части. Чужой кошель в моей ладони. Разбитые костяшки. Нож, спрятанный в сапоге. Тёмная херцогская чаша, куда бедным ходить запрещено, даже если дома умирают от голода.

Меня звали Макар Лютов.

В этом имени было больше чужой крови, чем моей памя-

ти.

И, как выяснилось, слишком много долгов, чтобы просто взять и умереть.

Глава 1

Отдых, значит.

Я лежал лицом в мокрой земле, с болтом в боку, с чужой памятью в голове и с херцогскими ловчими где-то за спиной, а эта дрянь внутри зрения рекомендовала мне отдых.

В другой ситуации я, может быть, оценил бы чувство юмора мироздания.

Сейчас было не до этого.

Первым делом я попытался понять, жив ли ещё.

Странный вопрос, если задаёшь его сам себе, но в аварийной ситуации лучше проверять очевидное. Дышу. Плохо, коротко, с хрипом, но дышу. Сердце бьётся. В боку торчит болт. Кровь идёт, но не фонтаном. Ноги чувствую. Руки тоже. Сознание держится, хоть и норовит уйти куда-то в тёплую темноту, где не надо принимать решений.

Значит, жив.

Пока.

Я осторожно повернул голову. Разлома между соснами больше не было. Только почерневшая трава, осыпавшаяся кора и тонкий иней по краям листьев, будто в этом месте на мгновение наступила чужая зима. На одной ветке висели капли воды. Не падали. Просто дрожали чуть ниже листа, словно забыли, где теперь низ. Лес медленно вспоминал, каким должен быть.

[Остаточный след разлома]Структура: недоступна.Класс: не определён.Ошибка анализа: 91%.

Ловчие не сразу поняли, что произошло.

И это спасло мне несколько секунд.

— Что это было? — донёлся голос справа. — Разлом, чтоб его! Назад! Назад, я сказал! — Да где он? Я ничего не вижу! — Был, дурень! Конь подо мной на колени сел! — Не лезь туда! После разлома земля ещё помнит!

Лошади фыркали, били копытами. Кто-то ругался. Кто-то кашлял. Один голос звучал ближе остальных — злой, испуганный и оттого особенно опасный.

Я знал такие голоса.

На заводе после хлопка люди тоже первое время говорили неестественно громко. Не потому что хотели командовать, а потому что страх искал, за что зацепиться. Иногда он цеплялся за порядок. Иногда — за первого попавшегося виноватого.

Виноватым здесь был я.

Или Макар.

Разница пока была условной.

Я попробовал подтянуться к кустам. С первого раза тело отказалось. Боль в боку поднялась горячей волной, отдала в грудь и правое бедро. Перед глазами вспыхнула белая сетка.

[Состояние носителя ухудшается]Стабильность: 28%Кровопотеря: продолжается.Рекомендация:избегать резких движений.

— Спасибо, — прошептал я сквозь зубы. — Прямо сейчас особенно полезно.

Голос получился молодой, хриплый, злой. Не мой. И всё же мой.

Я втянул воздух носом. Мокрая земля. Кровь. Лесная сырость. Дымка от закрывшегося разлома пахла не гарью и не серой. Она пахла холодным железом и чужим дождём. И ещё — собаки.

Нет.

Не собаки.

Псы.

Охотничьи.

Память Макара отозвалась раньше разума: длинные, сухие твари с серой шерстью, натасканные на кровь и страх. Херцогские псы не лаяли без причины. Они шли молча, а когда начинали рычать — было поздно.

Я не мог бежать.

Значит, надо было сделать так, чтобы они пошли не туда.

Смешно. Человек, только что закрыл межмировую дыру, теперь должен обмануть собак, лёжа в грязи с дырой в боку.

Приоритеты, как всегда, расставляет жизнь.

Я осторожно огляделся. Лес вокруг был неровный, старый, сырой. Корни торчали из земли, как вены. Чуть ниже по склону темнела узкая ложбина, заполненная мокрыми листьями и талой водой. Если добраться туда, запах крови может размыть. Может. Не гарантия, а шанс.

В аварийной работе гарантий вообще мало. Есть вероятность, ущерб и время до отказа.

Я начал ползти.

Не красиво. Не героически. Локоть вперёд. Подтянуть тело. Замереть, переждать боль. Снова локоть. Листья липли к лицу, грязь забивалась под ногти. Болт в боку каждый раз напоминал, что чужое железо внутри тела — плохая идея, но вытаскивать его было ещё хуже.

Где-то позади раздался свист.

— Ищите! Он ранен!

— Крови много. Далеко не уйдёт.

Это верно.

Далеко я и не собирался.

Мне нужно было уйти достаточно.

До ложбины оставалось метров десять. В обычном теле — несколько шагов. В этом — маленькая экспедиция через собственную боль.

Я скользнул вниз почти случайно. Правая рука сорвалась с мокрого корня, тело поехало по склону, и я с трудом удержал крик. В боку что-то дёрнулось. Мир стал красным, потом серым.

На дне ложбины была вода. Холодная, грязная, пахнувшая гнилыми листьями. Я ввалился в неё плечом и несколько секунд просто лежал, позволяя ей пропитать одежду, смыть часть крови и забрать тепло.

Плохо.

Но необходимо.

В таких решениях всегда есть мерзкая бухгалтерия. Потеря тепла против потери следа. Риск воспаления против риска получить второй болт в спину. Выбирай не хорошее. Хорошего нет. Выбирай то, после чего ещё сможешь ругаться.

Я перевернулся на бок и зачерпнул мокрые листья, прижал их к ткани вокруг болта. Не на саму рану — к краям, чтобы кровь меньше стекала вниз. Пальцы дрожали, слушались плохо.

[Попытка стабилизации]Эффективность: низкая.Крово-потеря снижена на 8%.Диагностика устойчивости:первичная адаптация.

— Да чтоб тебя, — выдохнул я. — Я не балку подпёр.

Но где-то в глубине сознания щёлкнуло: система считала всё через устойчивость. Даже тело. Даже кровь. Даже шанс не сдохнуть.

Надо будет потом разобраться.

Если будет потом.

Сверху слышались голоса. Ловчие подошли к месту, где я лежал после схлопывания разлома.

— Тут был.

— След вниз пошёл.

— Псы возьмут.

Я замер.

Через несколько ударов сердца услышал мягкий, почти неслышный топот. Потом низкое рычание.

Псы.

Они спускались.

Я скосил взгляд на склон. Сквозь переплетение ветвей увидел первую тень — длинная морда, узкая грудь, жёлтые глаза. Пёс шёл медленно, втягивая воздух. За ним второй. Третий.

Нож.

Память Макара подсказала: в сапоге.

Я осторожно потянул левую ногу, стараясь не шевелить боком. В голенище действительно был нож. Узкий, дешёвый, с обмотанной рукоятью. Не оружие героя. Инструмент человека, которому часто приходилось объяснять миру, что он ещё не добыча.

Я вытащил его.

Три пса против раненого мальчишки в канаве.

Плохая схема.

Я посмотрел на склон, на корни, на нависшее над ложбиной старое дерево. Его ствол был кривой, с раздвоением у основания. Одна часть держалась крепко, другая гнила изнутри. Я это не знал — я это увидел.

Только не полностью.

Не весь лес.

Только дерево.

Только развилка.

[Объект: дерево]Порода: неизвестна.Состояние: частичное внутреннее разрушение.Несущая способность правого

ствола: 19% Условие обрушения: боковая нагрузка / удар в
корневой узел. Риск неконтролируемого падения: высокий.

Высокий.

Но направление можно было предположить.

Старый ствол нависал как раз между мной и псами. Если
сдвинуть корень... нет. Слишком далеко. Если бросить нож?
Глупо. Если ударить веткой? Нет сил.

Пёс спустился ниже и увидел меня.

Жёлтые глаза сузились.

Он не залаял. Просто оскалился.

— Ну да, — прошептал я. — Профессионал.

Пёс прыгнул.

Я не успел бы.

Но в этот момент сверху сорвался кусок земли. Не дерево
— пока нет. Видимо, один из ловчих наступил на подмытый
край склона. Грязь поехала вниз, ударила пса сбоку, сбила
траекторию. Тварь рухнула в воду рядом со мной, взвыла и
забила лапами.

Я ударил ножом.

Не красиво. Не точно. В плечо или шею — не понял. Пёс
дёрнулся, горячая кровь плеснула на руку. Он попытался
вцепиться мне в лицо, но я ткнул ещё раз, уже ближе к горлу.

Второй пёс зарычал и бросился следом.

Вот теперь дерево.

Я вдавил пятку в корневой узел, который система подсве-
тила тускло-красным, и ударил по нему всем весом ноги.

Раз.

Ничего.

Второй пёс уже летел вниз.

Ещё.

Корень хрустнул.

Старый ствол не рухнул сразу. Он сначала вздохнул. Серьёзно — издал долгий древесный стон, будто ему надоело держаться за этот мир. Потом правая половина дерева пошла вниз.

Не быстро. Деревья вообще редко падают мгновенно. Сначала они принимают решение. Потом уже всё остальное.

Ствол рухнул между мной и склоном, взметнув грязь, воду и листья. Второго пса ударило ветвями и швырнуло в сторону. Третий отскочил, взвизгнув.

Сверху закричали.

— Осторожно!

— Проклятая чаща!

— Он там! Внизу!

Да, я там.

Но теперь между нами было поваленное дерево, грязь, вода и несколько секунд.

Я не стал их тратить на гордость.

Подтянулся к дальнему краю ложбины и пополз дальше, туда, где вода уходила под густые кусты. Болт в боку пульсировал. Рука с ножом стала липкой. Дышать было всё труднее.

[Состояние носителя]Стабильность: 24%Предупрежде-

ние:переохлаждение.кровопотеря.истощение.Рекомендация:найти укрытие.оказать первую помощь.

— Да ты гений, — пробормотал я.

Но раздражение помогало не отключиться.

За кустами оказался узкий звериный лаз. Взрослый мужчина туда бы не пролез. Мальчишеское тело — да. Хоть один плюс в этом издевательстве.

Я протиснулся между мокрых ветвей, оставляя на них, вероятно, достаточно крови, чтобы любой уважающий себя пёс написал по ней подробную биографию. Но после воды и поваленного дерева след должен был стать хуже.

Через несколько метров лаз вывел меня к каменистой осыпи.

И тут память Макара снова ударила.

Не словами. Картой.

Эта часть чащи была ему знакома. Он ходил здесь раньше. Не раз. Дальше, если идти вдоль осыпи, будет старая лисья нора у поваленного дуба. За ней — ручей. Потом низина, где стража редко ходит, потому что там болотная гниль и комарья туча. А за низиной — старая угольная тропа, ведущая к окраинам города.

Дом.

Не мой.

Его.

Наш?

Я сжал зубы.

С этим разберёмся позже.

Главное — маршрут есть.

Я подняться не смог. Пришлось двигаться полусогнувшись, иногда на четвереньках, иногда держась за камни и корни. Каждый шаг был отдельным договором с болью.

Где-то позади ещё слышались голоса, но они отдалялись. Ловчие не хотели лезть глубже в низину. Память подсказала почему: чаща принадлежала херцогу только на картах. На деле в ней водилось достаточно дряни, чтобы даже люди с оружием помнили о скромности.

Через полчаса — или через вечность, точнее сказать не могу — я добрался до ручья.

Вода была узкая, быстрая и ледяная.

Я упал на колени, зачерпнул ладонью и едва не захлебнулся от жадности. Потом заставил себя остановиться. Много холодной воды при кровопотере — плохая идея. Но промыть руки надо. Нож тоже.

Когда я наклонился, в воде отразилось лицо.

Я замер.

На меня смотрел парень лет семнадцати. Худой, скулы острые, губа разбита, под глазом старый желтоватый синяк. Тёмные волосы слиплись от дождя и крови. Глаза серые, злые, настороженные.

Лицо было не моё.

Но хуже всего было не это.

Хуже всего, что оно мне не понравилось — и одновремен-

но стало жаль того, кто жил в нём до меня.

Слишком молодое, чтобы так смотреть.

Слишком голодное.

Слишком привыкшее получать удар первым.

Я провёл мокрой ладонью по лицу, смывая грязь. Отражение повторило движение.

— Ну здравствуй, Макар Лютов, — сказал я тихо.

Вода унесла кровь с пальцев.

Ответа, разумеется, не было.

Зато пришла память.

Мать звали Арина.

Брата — Мишка.

Квартал — Нижние Клины.

Неофициально его называли Падальей Ямой, но так говорили только те, кто хотел получить камнем в зубы. Или те, у кого была стража за спиной.

Дом — если эту перекошенную пристройку к старой кожевне можно было назвать домом — стоял у самой канавы, где весной вода поднималась до порога. Крыша текла. Печь дымила. Дверь держалась на одной петле и упрямстве.

Арина кашляла уже третий месяц. Лекарь из верхнего квартала запросил столько, что Макар сначала рассмеялся, потом ударил его мальчишку-помощника, потом три дня прятался от стражи.

Мишка ел мало и врал плохо.

Друзья... да, были друзья.

Сенька Рыжий — быстрые руки, ещё более быстрый язык. Лиска — девчонка с ножом и глазами человека, который никому не верит бесплатно. Гвоздь — здоровый парень, который бил редко, но если бил, то разговор обычно заканчивался.

Они ждали Макара.

И мяса.

Я посмотрел в сторону, где, по памяти, лежал тот рогатый заяц.

Вернуться за ним было невозможно.

Значит, дома меня ждала не только больная мать, но и пустые руки.

Хорошее начало новой жизни.

Я попытался сосредоточиться на ране. Нужно было понять, можно ли идти дальше. Полный анализ вызвал бы новую боль. Значит, надо узко.

Не всё тело.

Только болт.

Только кровотечение.

[Фокусированный анализ] Объект: раневой канал. Инородный объект стабилизирует часть повреждения. Кровопотеря: умеренно-высокая. Риск извлечения: критический. Рекомендация: зафиксировать болт. наложить давящую повязку. двигаться медленно.

Голова заболела, но терпимо.

Я даже улыбнулся краем губ.

Вот так.

Не весь завод. Только клапан.

— Учишься, железака, — сказал я.

И сам не понял, к кому обращаюсь — к системе или к себе.

Повязку сделал из нижнего края рубахи. Разорвал ткань ножом, скрутил, подсунул вокруг древка болта так, чтобы оно меньше двигалось. Получилось плохо, грязно и больно. Но лучше, чем ничего.

Когда я затягивал узел, перед глазами потемнело. Я переждал, упершись лбом в мокрый камень.

Не отключаться.

Дом.

Арина.

Мишка.

И ещё — ловчие. Они не забудут. Если узнают, что браконьер жив, придут в Нижние Клины. Не потому что мясо жалко. Потому что право херцога должно пахнуть страхом, иначе бедные начнут считать лес лесом.

Я поднялся.

Первый шаг дался плохо.

Второй хуже.

На третьем тело вдруг вспомнило, как ходить раненым. Это была память Макара, не моя. Он уже получал ножом под рёбра. Уже бегал с разбитой головой. Уже терпел, когда терпеть нельзя.

Паршивый опыт.

Полезный.

Я пошёл вдоль ручья, держась за ветви.

Лес постепенно менялся. Высокие херцогские сосны остались позади. Началась низина — сырая, злая, с кривыми деревьями и запахом болотной травы. Тут было меньше следов людей. Зато больше комаров и странных пузырей на поверхности луж.

Один пузырь лопнул рядом с моей ногой, выпустив зелёный дымок. Я отшатнулся.

[Обнаружено: болотный газ] Состав: токсичный. Рекомендация: не вдыхать. обойти.

— Спасибо, тут ты вовремя.

Обошёл.

Через несколько минут впереди послышался хруст.

Я замер.

На тропе, перегородив проход, стояло существо размером с крупную собаку. Тело низкое, покрытое грязно-бурой щетиной. Морда вытянутая, с двумя нижними клыками. На спине — костяные шипы. Оно рыло землю у корней, но, почував меня, подняло голову.

Память подсказала: щетинник.

Опасен, если голодный или раненый.

Этот выглядел и голодным, и злым на весь мир.

Нож в моей руке показался вдруг очень маленьким.

Я посмотрел на зверя, потом на деревья вокруг, потом на

склон справа. Старый инженер внутри меня зашевелился.

Не драться.

Нельзя драться.

Надо изменить условия.

Щетинник фыркнул и сделал шаг ко мне.

Я медленно отступил.

Справа, выше по склону, лежал полусгнивший ствол, удерживаемый двумя тонкими корнями. Если он скатится, не убьёт зверя, но перекроет тропу. Или хотя бы отвлечёт.

Фокус.

Только ствол.

[Объект: поваленный ствол]Стабильность: 12%Условие сдвига:повреждение нижнего корня.

Щетинник бросился.

Я метнул нож не в зверя, а в корень.

Никогда не считал себя хорошим метателем ножей. Макар, судя по всему, считал. Рука сработала сама — коротко, зло, точно.

Нож вошёл в корень.

Ствол дрогнул, покатился вниз, набирая грязь и камни. Щетинник затормозил слишком поздно. Его не придавило, но ударило сбоку и сбilo с ног. Он взвизгнул, заскреб лапами, а я, не дожидаясь второго приглашения, двинулся дальше.

Я поймал себя на том, что ищу рукой второй нож. Не я. Макар. Его тело помнило, что одного ножа всегда мало. Что

после первого удара обычно приходит второй. Что если ты остался без железа, значит, скоро кто-то решит, что ты уже ничей. Я выдохнул. Чужая память была не книгой. Она была синяками, привычками и страхами, которые не спрашивали разрешения.

[Использовано структурное воздействие]Диагностика устойчивости:адаптация продолжается.Практическое воздействие на конструкцию:первичное применение.

Практическое воздействие.

Это, значит, кинуть нож в корень, потому что кабан с клыками решил тобой позавтракать.

Хорошая формулировка. Почти академическая.

Дальше дорога стала хуже. Тропа то пропадала, то появлялась. Память Макара вела меня рывками, иногда уверенно, иногда мутно. Чужие воспоминания были похожи на плохо собранный чертёж: часть линий есть, часть стёрта, а где-то кто-то пролил жир.

Солнце, если оно вообще было за серым небом, начало клониться. Мне нужно было успеть до темноты. В таком состоянии ночь в лесу означала смерть. Или что-то хуже, если верить обрывкам местных знаний.

Когда впереди наконец показалась старая угольная тропа, я почти не почувствовал облегчения. Для облегчения нужны силы. А у меня оставались только упрямство, чужая память и злость. Злость, к счастью, весит мало.

Тропа была широкой, заросшей по краям, с глубокими ко-

леями. По ней иногда возили уголь и дрова в город, но сейчас она пустовала. Хорошо. Плохо. По пустой дороге легче идти. И легче заметить.

Я пошёл вдоль канавы, стараясь держаться тени.

Через некоторое время лес начал редеть.

И я увидел город.

Сначала стены. Серые, тяжёлые, с башнями. Потом крыши — красные в богатой части, тёмные и кривые внизу. Над городом висел дым. Много дыма. Печи, кузни, кожевни, бедняцкие очаги, где жгли всё, что горит.

Областной город.

Название всплыло с запозданием.

Рудогорск.

Не самый большой в герцогстве, но достаточно большой, чтобы в нём можно было потеряться, умереть от голода и никого этим не удивить.

Верхний город стоял на холме — камень, башни, храмы, дома с черепицей. Нижние районы расползались к реке и болотам, словно всё, что богатые не хотели видеть, просто стекало вниз.

Нижние Клины были там.

У самой грязи.

Дом.

Я сделал ещё шаг.

И чуть не упал.

Мимо по дороге ехала телега. Я не услышал её из-за шума

в ушах. Возница — широкоплечий мужик в сером плаще — натянул поводья и уставился на меня.

— Эй, парень...

Я опустил голову, стараясь закрыть лицо волосами.

Поздно.

Он прищурился.

— Макар?

Я молчал.

Возница сплюнул в сторону.

— Живой, значит. А говорили, тебя херцогские в чаще прихлопнули.

Рука сама потянулась к сапогу за ножом, которого уже не было.

Мужик это заметил и усмехнулся.

— Тихо, волчонок. Я не стража.

Память подсказала имя не сразу.

Трофим. Угольщик. Иногда покупал у Макаровой шайки мелкое ворованное железо. Иногда давал подзатыльник. Однажды помог унести пьяного Гвоздя из канавы, потому что “парень дурной, но недохлый же”.

Не друг.

Но и не враг.

— До Клиньев? — спросил он. Я хотел ответить резко. В стиле Макара. Что-то вроде: “не твоё дело”, “сам дойду” или ещё какую-нибудь глупость, после которой умные люди обычно умирают в канаве. Вместо этого сказал правду:— Ес-

ли доведёшь, не забуду.

Трофим посмотрел на мой бок. Лицо его стало серьёзнее.

— Болт?

— Ага.

— Вытаскивал?

— Не идиот.

— Это спорно, Макар. Но сейчас поверю.

Он кивнул на телегу.

— Лезь. Только кровью мне мешки не залей.— Постарайся.— Постарайся. Уголь дешевле крови, но отмывается хуже.

Я забрался с третьей попытки. Трофим не помогал, но и не торопил. Это в Нижних считалось почти добротой.

Когда телега тронулась, боль немного отпустила. Или просто усталость стала сильнее боли.

Я лежал между мешками с углём, смотрел в серое небо и слушал, как скрипят колёса.

Скрип был неправильный. Не просто старый. Больной. Левое заднее колесо било на каждом обороте. Ось перегружена. Ступица треснула. Если телега попадёт в глубокую яму, колесо может уйти.

Я зажмурился.

Нет.

Не анализировать всё подряд.

Отдыхать.

Но взгляд сам соскользнул на борт телеги, и линии про-

ступили снова — слабые, тусклые.

[Объект: телега]Состояние: неудовлетворительное.Критическая зона: левое заднее колесо.Условие отказа:ударная нагрузка / глубокая колея.Риск разрушения в течение часа: 41%

Я выдохнул.

— Трофим.

— Чего?

— Левое заднее скоро развалится.

Он обернулся.

— Что?

— Ступица треснула. В яму не лезь. По правому краю держи.

Возница несколько секунд смотрел на меня так, будто я заговорил голосом покойника. Потом медленно перевёл взгляд на колесо.

— Ты откуда знаешь?

Хороший вопрос.

Очень своевременный.

— Слышу, — сказал я.

Это было почти правдой.

Трофим хмыкнул.

— Слышь, Макар, если ты после болта в боку начал слышать колёса, может, тебе к храмовникам надо.

— Мне домой надо.

Он помолчал.

— Это верно.

И, что интересно, повёл телегу правее.

Через четверть часа на дороге попалась глубокая колея. Если бы он не объехал, колесо точно бы вошло туда. Трофим посмотрел на неё, потом на меня. Ничего не сказал.

Но дальше правил осторожнее.

Городские ворота встретили нас запахом навоза, дыма и дешёвой похлёбки. Стражники лениво проверяли тех, кто въезжал с товаром. На меня один посмотрел, но интереса не проявил. Раненые мальчишки из Нижних, видимо, не были редкостью.

Для системы мира я был мусором.

Иногда это полезно.

Мы свернули с главной дороги вниз. Камень под колёсами сменился грязью. Дома стали ниже, стены темнее, лица жёстче. Люди здесь смотрели быстро: оценить угрозу, выгоду, слабость — и отвернуться, пока чужая беда не стала твоей.

Нижние Клины.

Я узнал их по памяти Макара.

И по запаху.

Сырость. Кожа. Дым. Гнилая вода. Дешёвый спирт. Кислая капуста. Болезнь. Жизнь, которая слишком упряма, чтобы признать себя поражением.

У старой кожевни Трофим остановил телегу.

— Дальше сам?

Я попытался сесть. Получилось плохо.

Трофим вздохнул.

— Ясно.

Он спрыгнул, подошёл и, не спрашивая, закинул мою левую руку себе на плечо.

— Только не помри у меня на руках, Лютов. Мне потом объяснять надоест.

— Постараюсь.

— Постарайся лучше, чем обычно.

Мы прошли вдоль канавы, мимо перекошенного забора, мимо двух мальчишек, которые тут же замолчали, увидев меня. Один шепнул:

— Макар вернулся...

Второй убежал.

Отлично.

Слухи быстрее крови.

У двери низкой пристройки сидела девочка лет пятнадцати с коротко обрезанными волосами и тонким ножом в руке. Она чистила яблоко — маленькое, кислое, явно украденное. Кожуру снимала тонко. Значит, привыкла, что даже украденное надо растягивать. При виде меня она вскочила. — Макар?! Память дала имя. Лиска. Она подбежала, увидела болт и побледнела не лицом — глазами. Лицо осталось злым. Так, видимо, здесь прятали страх. — Кто?

— Ловчие, — ответил Трофим. — Нашёл его у дороги.

Лиска посмотрела на меня так, будто хотела ударить и об-

нять одновременно, но выбрала третий вариант — схватила под вторую руку.

— Дурак, — прошипела она. — Ты же говорил, тропу знаешь. Я хотел сказать, что это был не я. Что я вообще, если честно, недавно в этом теле. Но какая разница. — Знал, — выдохнул я. — Они тоже. Лиска сжала зубы. — Значит, тропа поумнела быстрее тебя.

Лиска замолчала.

Изнутри донёсся кашель.

Сухой, долгий, выворачивающий.

Тело Макара отреагировало раньше меня. Сердце сжалось. В горле стало тесно.

Мать.

Арина.

Лиска тоже услышала и резко дёрнула дверь.

— Тётка Ариш, не пугайся! Мы его притащили!

Мы вошли внутрь.

Комната была низкая, тёмная, с закопчёнными стенами. В углу — печь, которая дымила через щели. На верёвке у печи висели мокрые тряпки. На столе стояла щербатая кружка, миска с остывшей водой и пучок сухих трав, которые пахли надеждой бедных людей: горько и бесполезно. У окна — лежанка. На ней женщина, тонкая, почти прозрачная в сером свете. Рядом мальчишка с большими глазами и слишком серьёзным лицом.

Мишка. Он вскочил первым. — Макар! И тут же осёкся,

будто испугался, что громким голосом можно добить раненого.

Арина попыталась подняться. Рука потянулась ко мне, не дошла и упала на одеяло. Потом кашель согнул её пополам.

Я стоял на пороге, держась за Лиску и Трофима, с кровью на рубаше, грязью на лице и чужой жизнью на плечах.

И в этот момент окончательно понял: уйти не получится.

Можно было сказать себе, что это не моя мать.

Не мой брат.

Не мой долг.

Но мальчишка смотрел так, будто я был единственной стеной между ним и всем миром. Плохой стеной. Кривой. Прорванной насквозь. Но другой у него не было. А женщина на лежанке, едва отдышавшись, прошептала:— Макарушка...

И всё.

Система, разломы, херцогские ловчие, чужое тело, старая смерть — всё отступило на шаг.

Остался только дом, который держался хуже той телеги.

И люди внутри.

Я сглотнул.

— Мам, — сказал я чужим голосом, который почему-то стал тише. — Я вернулся.

А потом пол ушёл из-под ног.

Глава 2. Аварийное состояние

Второй раз за день я очнулся с твёрдым убеждением, что смерть передумала не потому, что я ей понравился, а потому что у неё просто не хватило на меня времени.

Первым вернулся запах.

Сырость. Дым. Старая кожа. Кислая тряпка, которой, видимо, пытались оттереть кровь. Горькие травы. Человеческий страх.

Потом пришёл звук.

Кашель.

Не мой.

Женский, сухой, надорванный, с таким хрипом в конце, что я сразу понял: тут не простуда. Это что-то давно поселившееся в груди и теперь медленно выгрызающее оттуда жизнь.

Арина.

Имя всплыло само, и вместе с ним поднялось странное, чужое, почти болезненное тепло.

Я открыл глаза.

Потолок был низкий, закопчённый, из тёмных досок, между которыми торчала пакля. Одна балка пересекала комнату почти над моей головой. Балка была старая, выгнутая, с тёмным пятном у стены. Пятно мне сразу не понравилось.

Не потому что я понял.

Потому что почувствовал.

Старое дерево, долго державшее больше, чем должно.

Я лежал на грубом тюфяке возле печи. Под спиной кололась солома. Правый бок горел так, будто внутри кто-то развёл маленький, но очень старательный костёр. Болт всё ещё торчал в теле. Это было хорошо. Если железо ещё во мне, значит, никто не успел проявить спасательную инициативу.

Надо было сказать им спасибо за это.

Или приказать не трогать, пока не поздно.

Я повернул голову.

У стола стояла Лиска. Волосы короткие, лицо бледное, губы сжаты в тонкую линию. В руке у неё был нож. Не тот, который я потерял в лесу, другой — тонкий, с узким лезвием. Она держала его так, как люди держат не инструмент, а последний аргумент.

Возле печи топтался Мишка. Маленький, худой, в слишком большой рубаше. Глаза красные, но сухие. Он явно уже решил, что плакать нельзя, потому что это никому не поможет.

У лежанки у окна сидела женщина.

Арина.

Мать Макара.

Моя — нет.

И всё же при взгляде на неё в груди что-то неприятно сжалось.

Она была худой настолько, что одеяло лежало на ней по-

что ровно, будто под ним не человек, а связка сухих веток. Волосы тёмные, с ранней сединой у висков. Лицо измождённое. Глаза большие, горячие, испуганные.

Она смотрела на меня так, будто я вернулся не из леса, а из могилы.

В каком-то смысле так и было.

— Макар? — прошептала она.

Я хотел ответить сразу, но горло было сухим.

Мишка бросился к стоящей на полу кружке, расплескал половину, поднёс мне. Я попытался приподняться и тут же пожалел об этом. Боль ударила в бок так, что я стиснул зубы и замер.

— Не двигайся! — резко сказала Лиска.

Хороший совет. Поздний, но хороший.

Мальчишка поднёс кружку к губам. Вода пахла железом и старой глиной. Я сделал маленький глоток. Потом ещё один. Больше нельзя. Тело требовало пить жадно, но опыт говорил: если организм в шоке, жадность часто работает против него.

— Болт... — хрипло сказал я.

Лиска напряглась.

— Сейчас придёт бабка Устинья. Она вытащит.

— Нет.

Слово вышло слабым, но достаточно резким, чтобы все замерли.

— Что — нет? — Лиска нахмурилась.

— Не вытаскивать.

— Макар, он в тебе торчит!

— Именно поэтому не вытаскивать.

Она открыла рот, закрыла, потом зло выдохнула.

— Ты сдохнешь, если его оставить.

— Я быстрее сдохну, если его выдернуть.

Мишка посмотрел на меня так, будто я только что сказал что-то очень умное и очень страшное одновременно.

Лиска стиснула рукоять ножа.

— Откуда ты знаешь?

Я хотел сказать: сорок лет аварий, трубопроводов, давления, металла, крови из разбитых лиц после цеховых ЧП и людей, которые умирали не от самой травмы, а от того, что кто-то слишком рано “освободил проход”.

Но для неё это ничего бы не значило.

— Чувствую, — сказал я.

Лиска прищурилась.

— Ты раньше так не говорил.

Вот и первая проблема.

Слишком быстро.

Нельзя было быть слишком другим. Нельзя было сразу стать умным, спокойным, взрослым. Люди замечают такие вещи. Особенно те, кто жил рядом и знал тебя не по слухам, а по синякам.

Я попытался усмехнуться. Получилось, наверное, криво.

— Раньше меня и болтом не дырявили.

— В прошлом месяце тебя ножом пырнули.

— Нож был меньше.

Мишка вдруг коротко всхлипнул и тут же зажал рот ладонью.

Арина закрыла глаза.

Лиска отвела взгляд.

Плохо. Шутка попала не туда. Для меня это был способ удержать сознание. Для них — напоминание, что Макар слишком часто возвращался домой в крови.

Дверь распахнулась без стука.

В комнату вошла старая женщина в тёмном платке, с широкой корзиной на локте. За ней протиснулся Трофим. Угольщик пригнулся под низким косяком и сразу занял половину свободного места.

— Очнулся? — спросил он.

— К сожалению для некоторых.

— Язык цел. Значит, жить будет, — буркнул он.

Старуха подошла ко мне и отодвинула Лиску локтем так уверенно, будто та была не вооружённой девчонкой, а табуретом.

— Дай свет.

Лиска молча подвинула коптящую лампу.

Старуха — видимо, та самая Устинья — наклонилась надо мной. Лицо у неё было морщинистое, жёсткое, с маленькими внимательными глазами. Такими глазами смотрят люди, которые видели слишком много бедности, чтобы каждый

раз удивляться крови.

Она разрезала рубаху вокруг раны. Я стиснул зубы.

— Болт глубоко, — сказала она. — Наконечник, похоже, с зубцами.

— Зазубренный, — поправил я машинально.

Она посмотрела на меня.

— Умный стал?

— Временно.

— От боли многие умнеют. Ненадолго.

Трофим хмыкнул у двери.

Устинья осторожно тронула древко болта. Я едва не ударил её по руке, но удержался. Только прохрипел:

— Не дёргай.

— А ты не учи меня, щенок.

— Не учу. Предупреждаю.

Она замерла.

В комнате стало тихо. Даже Арина перестала кашлять на несколько секунд.

Устинья медленно подняла на меня глаза.

— Предупреждаешь?

Я понял, как это прозвучало. Старый Макар, судя по чужой памяти, мог огрызаться, хамить, угрожать. Но предупредить — спокойно, почти профессионально — это было не про него.

Пришлось идти до конца.

— Если наконечник с зубцами, он мог зацепить ткань. Ес-

ли выдернуть сразу, откроет сильнее. Надо резать, расширять, смотреть, чем держит. И иметь чем зажать кровь.

Старуха долго молчала.

Потом спросила:

— Где ты таких слов набрался?

— В лесу было время подумать.

— В лесу обычно думают, как бы не сдохнуть.

— Я этим и занимался.

Устинья фыркнула, но уже без прежнего раздражения. Она снова посмотрела на рану, теперь внимательнее.

— Правильно говорит, — неожиданно сказал Трофим.

Все повернулись к нему.

Угольщик пожал плечами.

— Я видел, как мужику на лесопилке железо из бедра выдернули. Кровь так хлынула, что он до ворот не дожил.

— Спасибо за бодрость, — сказал я.

— Не благодари.

Устинья вытащила из корзины несколько тряпок, пузырёк с мутной жидкостью и пучок трав, перевязанный ниткой.

— Сразу вынимать не будем, — решила она. — Сначала обмою. Потом посмотрю. Если наконечник гадкий, придётся резать.

Арина тихо застонала.

— Устинья...

— Молчи, Ариш. Если хочешь, чтоб твой волчонок жил, не мешай.

Волчонок.

Память Макара отзывалась странно. Так его иногда называли в квартале. Не ласково. Не зло. Просто точно. Кусается, ворует, держится стаяй и не идёт на руку.

Устинья плеснула мутной жидкостью на тряпку. Запах ударил в нос — спирт, травы, что-то едкое.

— Будет больно.

— Уже.

— Больше.

— Прекрасно.

Она начала обрабатывать рану.

Я не закричал. Не из гордости. Просто воздуха не хватило. Боль стала белой, ровной и большой, как стена. Я упёрся левой рукой в тюфяк и считал вдохи.

Раз.

Выдох.

Два.

Выдох.

На пятом Мишка взял меня за пальцы.

Маленькая ладонь была холодной.

Я не знал, что делать с этим жестом.

Старый Макар, наверное, сжал бы руку в ответ. Или буркнул бы что-то грубое, чтобы мальчишка не ревел. Я просто осторожно шевельнул пальцами.

Мишка сжал сильнее.

И почему-то это оказалось труднее выдержать, чем боль.

Устинья работала быстро. Не нежно, но и не мясницки. Это было уже хорошо. В бедных кварталах умелые руки ценились выше добрых слов.

— Наконечник сидит, — сказала она наконец. — Вынимать сейчас нельзя. Надо звать резчика или городского лекаря.

Лиска зло усмехнулась.

— На какие деньги?

Вопрос повис в воздухе, как копать под потолком.

Арина отвернулась к стене.

Трофим молчал.

Мишка опустил глаза.

Вот она, настоящая медицина Нижних Клиньев: сначала болезнь, потом цена, потом тишина.

Я медленно вдохнул.

— Сколько?

Устинья посмотрела на меня так, будто хотела соврать, но устала.

— Если резчика звать — серебрушка. Если лекаря с Верхнего — три. Может, пять. Смотря кто придёт и насколько брезгливый.

Память Макара сразу перевела это в еду, долги и невозможность.

Серебрушка — очень много.

Три — почти недостижимо.

Пять — можно было сразу лечь обратно в лес и не

портить людям вечер.

— Ясно, — сказал я.

Лиска резко повернулась к Трофиму.

— Ты же его привёз. Одолжи.

Тот нахмурился.

— Лиска...

— Он тебе колесо спас.

Я прикрыл глаза.

Вот же девчонка.

Трофим замер.

— Откуда ты знаешь?

— Весь переулочек уже знает, что ты ехал правее колеи как барская невеста, а потом щупал колесо и матерился.

Нижние Клины.

Информационная система без письменности, но с мгновенной передачей данных.

Трофим почесал бороду.

— Колесо и правда треснуло.

Устинья посмотрела на меня. Уже по-другому.

— Ты колесо увидел?

— Услышал.

— И болт свой тоже услышал?

— Почти.

Лиска скрестила руки на груди.

— Макар, не беси людей. Говори нормально.

Нормально.

Хорошее слово.

Я сам очень хотел, чтобы кто-нибудь объяснил мне, что теперь нормально.

Но вместо ответа уставился в потолок.

Балка над головой всё ещё не давала покоя. Тёмное пятно у стены расползлось от места, где крыша, видимо, текла годами. Доски вокруг печной трубы почернели не только от дыма. Там была сухая горячая зона, рядом — сырость, перепады, гниение. Плохое сочетание.

Я не хотел включать Контур.

Правда не хотел.

Голова и так раскалывалась, в боку торчал болт, а система ещё в прологе — да, я уже мысленно называл это безумие прологом — рекомендовала отдых.

Но глаза сами нашли узел соединения балки со стеной.

Не весь дом.

Только балка.

Только пятно.

[Фокусированный анализ]Объект: потолочная балка.Материал: старое дерево.Повреждения:гниение в опорной зоне;снижение несущей способности;следы длительного увлажнения.Локальная устойчивость: 42%Условие отказа:дополнительная нагрузка / сильный дождь / вибрация.Риск частичного обрушения: средний.

Боль в висках поднялась, но терпимо.

Я медленно перевёл взгляд к печи.

Не вся печь.

Только труба.

[Объект: печная труба]Состояние: аварийное.Трещины в кладке.Нарушена тяга.Риск задымления помещения: высокий.Риск возгорания перекрытия: 23%

Потом северная стена.

Только стена.

[Объект: северная стена]Основание: просадка.Влажность: критическая.Несущая устойчивость участка: 37%Риск деформации при сильном дожде: высокий.

Линии сложились сами.

Комната на миг стала прозрачной. Не как чертёж, нет. Скорее как больной организм, у которого видны кости, трещины и места, где жизнь держится на упрямстве.

[Объект: жилое строение]Состояние: аварийное.Несущая устойчивость: 37%Критические зоны:крыша;печная труба;северная стена.Риск обрушения при сильном дожде: высокий.

Я закрыл глаза.

Вот теперь стало по-настоящему страшно.

Не от болта.

Не от ловчих.

Не от разлома.

Я смотрел на потолочную балку, на дымящую печь, на тонкие руки матери и на Мишку, который пытался не плакать.

И вдруг понял: разлом в лесу был не самым страшным.

Тот хотя бы честно светился между соснами.

А этот стоял вокруг нас — в стенах, в крыше, в кашле матери, в пустой миске у печи и в мальчишке, который уже знал, как делить хлеб так, чтобы самому досталось меньше.

— Макар? — тихо спросила Арина.

Я открыл глаза.

Все смотрели на меня.

Видимо, я слишком долго молчал.

— Крыша течёт давно? — спросил я.

Лиска моргнула.

— Что?

— Крыша. Над балкой. Течёт давно?

Трофим поднял голову и посмотрел туда, куда я смотрел.

— У всех тут течёт.

— Не у всех после следующего ливня балка может пойти.

Устинья медленно выпрямилась.

— Ты сейчас о чём?

— О том, что если пойдёт сильный дождь, здесь лучше не спать под этой частью потолка.

Лиска уставилась на меня.

— Ты с болтом в боку лежишь и думаешь о крыше?

— Она первая начала.

Мишка вдруг сказал:

— Там правда капает. Когда дождь сильный. Мама ставит миску.

Арина слабо улыбнулась.

— Макарушка, сейчас не до крыши.

Как раз до неё.

Но объяснить это было сложно.

В моём прежнем мире аварии чаще всего и случались потому, что “сейчас не до этого”. Сейчас не до прокладки. Сейчас не до вибрации. Сейчас не до трещины. Сейчас смену закроем, потом посмотрим.

Потом приезжали пожарные.

Здесь пожарных, кажется, не было.

— Где деньги? — спросил я.

Лиска напряглась.

— Какие?

— Наши. Макара. Что есть?

Она посмотрела на Арину, потом на Трофима, потом снова на меня.

— Ты же всё на мясо хотел пустить.

— Не получилось.

— Вижу.

— Лиска.

Она помолчала, затем вытащила из-за пазухи маленький тряпичный узел и бросила рядом со мной. Внутри звякнуло.

Я левой рукой развязал.

Медь. Несколько мелких монет. Одна потёртая серебрушка? Нет, не серебрушка. Половинник. Чуть лучше меди, но не спасение.

— Это всё?

— Что осталось после лекарства для тётки Ариши, — жёстко сказала Лиска. — И после того, как ты решил полезть в херцогскую чашу за мясом.

Справедливо.

Только я этого не решал.

И всё равно теперь отвечал.

— Резчика не хватит, — сказала Устинья.

— Значит, пока не зовём.

— Ты не понял, мальчик. Болт надо доставать.

— Понял. Но если его доставать без денег, инструмента и человека, который не убьёт меня по дороге, я умру. Если оставить и зафиксировать — могу дотянуть.

— До чего?

Хороший вопрос.

До денег.

До решения.

До понимания, где я вообще оказался.

— До утра, — сказал я.

Устинья не ответила сразу. Потом кивнула.

— До утра, может, и дотянешь. Если жар не поднимется. Если кровь не пойдёт. Если наконечник ничего важного не порвал. Если духи сегодня хорошие.

— Слишком много “если”.

— Добро пожаловать в Нижние Клины.

Тут она была права.

Трофим вдруг сунул руку за пазуху и вытащил две медные монеты.

— Возьми.

Лиска нахмурилась.

— Это всё?

— А ты думала, я на угле герцогские дворцы покупаю?

— Я думала, ты не жмот.

— Я не жмот. Я бедный.

Он бросил монеты на стол.

— Но колесо он и правда спас. Если бы развалилось у ворот, я бы больше потерял.

Я посмотрел на него.

— Спасибо.

Трофим смутился и отвернулся.

— Не благодари. Вернёшь.

Вот это уже было привычнее для здешнего мира.

Устинья обработала рану ещё раз, обложила вокруг болта травяной кашицей, туго замотала тряпками так, чтобы древко не ходило. Потом заставила меня выпить горький отвар. На вкус — земля, полынь и отчаяние.

— От жара, — сказала она.

— Или для него?

— Если будешь умничать, дам второй.

Я замолчал.

Мудрое решение.

Лиска принесла старую доску и поставила её рядом с тю-

фяком.

— Что делаешь? — спросил я.

— Болт привяжем к доске, чтоб ты ночью не дёрнулся и не провернул.

Я посмотрел на неё с неожиданным уважением.

— Хорошая мысль.

Она подозрительно прищурилась.

— Ты меня сейчас похвалил?

— Похоже.

— У тебя точно жар.

— Возможно.

Она работала ловко. Грубая верёвка, доска, несколько узлов. Древко болта зафиксировали так, что двигаться стало неудобно, зато безопаснее.

[Стабилизация повреждения]Кровопотеря снижена.Стабильность состояния: 33%Риск резкого ухудшения: умеренный.

Тридцать три.

Не праздник, но уже не двадцать четыре.

Я выдохнул.

Мишка всё ещё сидел рядом.

— Макар, — тихо сказал он.

— Что?

— Ты правда не умрёшь?

В комнате снова стало тихо.

Я посмотрел на него.

Взрослый человек во мне знал правильный ответ: нельзя обещать то, чего не контролируешь. Нельзя давать ложную гарантию. Нельзя говорить “всё будет хорошо”, когда система на тридцати трёх процентах и держится на грязных тряпках.

Но мальчику не нужен был отчёт о рисках.

Ему нужен был брат.

Я сжал его пальцы.

— Сегодня — нет.

Он кивнул так серьёзно, будто мы заключили договор.

— А завтра?

— Завтра посмотрим по состоянию конструкции.

Мишка не понял, но почему-то улыбнулся.

Лиска отвернулась к печи. Кажется, чтобы никто не увидел её лицо.

Арина смотрела на меня долго. Слишком внимательно.

Матери вообще опасные люди. Особенно больные. Они видят то, что другие списывают на боль, жар или удар по голове.

— Ты изменился, — сказала она тихо.

Вот оно.

Я устал настолько, что почти не испугался.

— В лесу трудно остаться прежним.

— Нет, — она покачала головой. — Не так.

Я молчал.

Она закашлялась, и разговор оборвался. Мишка вскочил,

подал ей кружку. Устинья подошла, поправила подушку, послушала дыхание.

Я смотрел на это и чувствовал, как внутри поднимается холодная злость.

Не на неё.

Не на болезнь.

На всю эту схему.

Бедный квартал. Дырявая крыша. Мальчишка-браконьер. Болт в боку. Больная мать, которой лекарство стоит больше, чем её семья может собрать без кражи. Херцогская чаща, где зверья хватает, но голодным туда нельзя. Разломы, из которых лезет чужая смерть, и власть, которая, скорее всего, считает, кого выгоднее спасти.

Плохая система.

А плохие системы имеют слабые точки.

Я закрыл глаза.

Не сейчас.

Сначала выжить.

Потом деньги.

Потом болт.

Потом крыша.

Потом мать.

Потом всё остальное.

Очередь задач. Приоритеты. Ресурсы. Риски.

Так проще не сойти с ума.

Устинья закончила с Ариной и вернулась ко мне.

— Ночью может быть жар. Если начнёт бредить — поить понемногу. Если кровь пойдёт через повязку — звать меня. Если болт сдвинется — держать и звать меня. Если умрёт — тоже звать, но уже утром.

— Утешительно, — сказал я.

— Я не для утешения. Я чтоб вы жили, когда получается. Она собрала корзину.

У двери остановилась и посмотрела на меня.

— И ещё, Макар.

— Что?

— Не знаю, что ты там в чаще увидел. Но если после болта в боку парень начинает слышать колёса и видеть гнилые балки — это либо дар, либо беда.

— А разница?

— Даром хотят пользоваться другие. Беду хотя бы иногда оставляют в покое.

После этого она вышла.

Трофим ушёл следом, пообещав утром заглянуть и “проверить, не сдох ли должник”. Лиска осталась. Видимо, решила, что умирать без присмотра мне нельзя доверять.

Мишка устроился на полу рядом с моим тюфяком. Арина задремала у окна, измученная кашлем.

В комнате стало темнее.

Печь дымила.

Балка над головой держалась.

Пока.

Я лежал, слушал дом и впервые в этом мире ясно понял: разломы бывают разными.

Одни светятся между соснами и выплёвывают чужих тварей.

Другие не светятся вовсе.

Они просто проходят через бедность, стены, тела и судьбы — тихо, годами, пока однажды всё не складывается внутрь.

И если я действительно теперь видел, где мир трещит, начинать придётся не с герцогов, не с гильдий и не с чудовищ.

А с этой комнаты.

С этой балки.

С этой женщины у окна.

С мальчишки, который заснул, всё ещё держась за край моего рукава.

Я закрыл глаза.

Где-то внутри, на самой границе боли и сна, тускло мигнуло:

[Задача не назначена][Личная цель сформирована носителем]Стабилизировать дом.Стабилизировать семью.Выжить.

— Вот теперь, — прошептал я, почти не слыша собственного голоса, — начинаем ремонт.

И провалился в тяжёлый, горячий сон.

Глава 3. Первый ремонт

Проснулся я не от боли.

Это было странно, потому что боль вела себя так, будто давно сняла комнату в моём правом боку и теперь собиралась жить там на постоянной основе.

Проснулся я от тишины.

Не полной. В Нижних Клиньях, как я уже успел понять, полной тишины не бывало. За стеной кто-то ругался, где-то кашляли, по канаве плеснула вода, в печи потрескивал слабый огонь. Но рядом со мной было слишком тихо.

Я открыл глаза.

Мишка сидел на полу возле тюфяка и смотрел на меня.

Не спал.

Просто сидел, поджав под себя ноги, и держал край моего рукава двумя пальцами, будто боялся, что если отпустит, я куда-нибудь денусь. Например, обратно в лес. Или ещё дальше.

— Ты чего? — спросил я.

Голос вышел хриплый, но уже не такой мёртвый, как вчера.

Мишка вздрогнул.

— Я не шумел.

— Я не спрашивал, шумел ли ты. Я спросил — чего не спишь?

Он опустил глаза.

— Смотрел, дышишь ли.

Вот так.

Без лишней жалости. Без красивых слов. Просто ребёнок в бедном квартале проверял, не умер ли старший брат за ночь.

Я осторожно вдохнул. Бок ответил горячей волной. Голова была тяжёлой, рот сухой, тело ломило. Но сознание держалось лучше, чем вечером.

Перед глазами, словно только этого и ждало, вспыхнуло:
[Состояние носителя]Стабильность: 36%Кровопотеря: частично компенсирована.Воспалительная реакция: начальная.Инородный объект: арбалетный болт.Рекомендация:удаление инородного объекта в течение 24–36 часов.Предупреждение:самостоятельное извлечение без подготовки приведёт к критическому ухудшению.

Тридцать шесть.

Растём.

Если так можно назвать медленное движение от “почти труп” к “труп с планами”.

Я закрыл глаза, переждал лёгкую тошноту и снова посмотрел на Мишку.

— Живой.

— Я понял.

— Тогда можешь отпустить рукав.

Он отпустил не сразу. Сначала посмотрел на свою руку,

будто только заметил, что держится за меня. Потом убрал пальцы и спрятал их в рукава.

— Ты вчера странно говорил, — сказал он.

— Я вчера странно себя чувствовал.

— Не ругался.

— Это плохо?

Мишка задумался.

— Непривычно.

Из угла донёсся слабый кашель. Арина спала на лежанке у окна, но сон у неё был плохой — поверхностный, рваный. Щёки казались ещё более впалыми, чем вчера. На столе стояла пустая миска. У печи сушились мокрые тряпки. Дом пах бедностью так плотно, что запах почти можно было потрогать.

— Лиска где? — спросил я.

— За водой пошла. Сказала, если ты встанешь, она тебе второй болт сама воткнёт.

— Заботливая.

Мишка чуть улыбнулся.

Улыбка быстро исчезла.

— Ты правда не умрёшь сегодня?

Вчера я обещал “сегодня — нет”. Сегодня вопрос обновился. Дети быстро учатся жить короткими сроками.

— Сегодня у меня много дел, — сказал я. — Умирать неудобно.

— Какие дела? Ты же лежишь.

— Вот именно. Плохое начало для делового дня.

Я попытался приподняться на локте.

Это оказалось ошибкой.

Бок вспыхнул, в голове качнулась комната, и я замер, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот.

Мишка вскочил.

— Лиска сказала не вставать!

— Лиска много чего говорит.

— Она больно бьёт.

— Весомый аргумент.

Я всё же сел. Медленно. Сначала повернулся на левый бок, потом подтянулся, держась за край тюфяка. Доска, которой вчера зафиксировали древко болта, мешала, но именно это и спасало: болт не гулял в ране при каждом движении.

Хорошая девчонка Лиска.

Злая, подозрительная и полезная.

Я осмотрел комнату уже не как раненый, а как человек, которому здесь предстояло выжить.

Печь дымила. Не сильно, но постоянно. Дым уходил не туда, куда должен. Северная стена в нижней части потемнела от сырости. На полу под ней доски чуть выгнулись. Потолочная балка над тюфяком была хуже, чем казалась ночью.

Не вся комната.

Только опоры.

Только крыша.

Только то, что может убить нас раньше болта.

[Фокусированный анализ]Объект: жилое строение.Режим: ограниченный осмотр.Несущая устойчивость: 37%Критические зоны:1. потолочная балка у северной стены;2. печная труба;3. просадка основания северной стены.Риск обрушения при сильном дожде: высокий.Риск задымления помещения при закрытой двери: высокий.

Голова заболела, но не так, как вчера. Боль пришла узкой полосой над глазами, а не раскалённым обручем.

Значит, метод работает.

Не весь завод. Только участок.

— Мишка.

— А?

— Есть верёвка?

Он моргнул.

— Какая?

— Любая. Крепкая. Не гнилая.

— Есть у Лиски. Она вчера принесла. И у нас под столом куски.

— Доски?

— Доски тоже есть. Но они кривые.

— Прекрасно. Прямые здесь всё равно будут чувствовать себя чужими.

Мишка не понял, но полез под стол. Достал несколько обрезков, старую верёвку, ржавый гвоздь, какой-то деревянный клин и молоток с треснутой ручкой.

Я смотрел на этот набор и думал, что из него можно сде-

лать три вещи: плохую ловушку, очень плохую табуретку и временную подпорку, которая, если повезёт, не убьёт нас ночью.

Выбор очевиден.

Дверь распахнулась.

Лиска вошла с ведром, увидела меня сидящим и застыла.

— Ты.

— Я.

— Ты сидишь.

— Наблюдательная.

Она поставила ведро так резко, что вода плеснула через край.

— Я же сказала не вставать.

— Я не встал. Я сел.

— Макар.

В этом слове было предупреждение. Хорошее, честное, почти родственное.

Я поднял левую руку.

— Если я сейчас не посмотрю балку, вечером она может посмотреть на нас сверху очень близко.

Лиска медленно перевела взгляд на потолок.

— Опять крыша?

— Не опять. Всё ещё.

— У тебя в боку болт.

— Я помню. Он участвует в обсуждении при каждом движении.

— Тебе надо лежать.

— Мне надо жить. Желательно не под рухнувшей балкой. Она хотела сказать что-то злое, но тут в разговор вмешался Мишка:

— Там правда капает. И балка хрустит, когда ветер.

Лиска посмотрела на него. Потом на Арину. Потом снова на меня.

— Что делать?

Вот.

Первый маленький сдвиг.

Не “ты бредишь”, не “лежать”, не “заткнись”.

Что делать?

Я выдохнул.

— Нужна временная подпорка. Не ремонт. Просто разгрузить балку. Вон тот угол. Подставить доску от пола до балки, но не прямо — с клином, чтобы дать упор. Верёвкой подтянуть к боковой стойке. Печь пока не трогать, только дверь приоткрывать, чтобы дым не стоял.

Лиска молчала.

— Ты сейчас точно Макар?

Вопрос ударил неожиданно точно.

Мишка замер.

Арина на лежанке пошевелилась, но не проснулась.

Я встретил взгляд Лиски.

Врать надо просто. Сложная ложь ломается быстрее плохой балки.

— После болта в боку люди меняются.

— Не так.

— А как?

— Ты слова такие знаешь, будто в Верхнем городе учился. Я чуть усмехнулся.

— Если бы я учился в Верхнем городе, ты бы первой украла у меня сапоги.

— Сапоги у тебя дрянь.

— Значит, мне повезло.

Она фыркнула. Напряжение чуть отпустило.

Не исчезло. Просто отошло в угол и село ждать.

Лиска подошла к балке, задрала голову.

— И куда это ставить?

Я хотел подняться.

Она даже не повернулась.

— Попробуешь встать — ударю.

— Не надо угрожать человеку с дырой в боку. Это не спортивно.

— Я не спортивная. Я злая.

Пришлось руководить с тюфяка.

Это оказалось мучительно.

Не физически — хотя и физически тоже. Мучительно было смотреть, как люди делают работу не так быстро и не так точно, как ты сделал бы сам, будь у тебя нормальное тело, две рабочие руки и отсутствие железа в боку.

Мишка таскал обрезки. Лиска поднимала доску и руга-

лась. Я объяснял, где точка упора. Она не понимала слово “нагрузка”, зато прекрасно понимала “если поставишь сюда — ночью нам всем конец”.

Работало.

— Выше.

— Она не влезает.

— Срежь край.

— Чем?

— Ножом.

— Это не дерево, это проклятая кость!

— Тогда клин снизу тоньше.

— Макар, ты всегда был занозой, но сегодня ты заноза с инструкциями.

— Прогресс.

Когда доску наконец поставили, она уперлась в балку криво, но приемлемо. Я попросил Мишку подать клин. Лиска забила его молотком.

Первый удар отдался мне в голове.

Второй — в боку.

Третий — в системе.

[Временная опора установлена]Эффективность: 41%Риск локального обрушения снижен.Несущая устойчивость строения:37% → 42%

— Стоп, — сказал я.

Лиска замерла с молотком.

— Что?

— Ещё ударишь — клин расколёт доску. Хватит.

Она подозрительно посмотрела на подпорку.

— Откуда знаешь?

— Звук изменился.

Это уже вошло в привычку. Полуправда — лучший сорт лжи.

Мишка обошёл подпорку кругом.

— Она правда держит?

— Временно.

— Это значит — плохо?

— Это значит — лучше, чем было.

Он кивнул так, будто это была вполне взрослая философия.

Потом я заставил их перенести мой тюфяк на полметра в сторону. Лиска ругалась, что я команду, как старый мастер, но перенесла. Арина проснулась от шума и долго смотрела на нас, не понимая, что происходит.

— Макар, зачем вы...

— Чтобы балка, если передумает жить, падала не на меня.

Мать побледнела.

— Она может упасть?

— Не сегодня, если Лиска не решит проверить её головой.

— Я всё слышу, — сказала Лиска.

— На это и расчёт.

Следующим была печь.

Полноценно чинить её я не мог. Не было ни сил, ни ма-

териалов, ни понимания местной кладки. Но можно было уменьшить дым. В трещинах вокруг трубы не хватало нормального раствора. В углу нашлась глина, смешанная с золой и водой. Мишка сказал, что так иногда заделывала мать.

Я попросил сделать густую смесь.

Лиска посмотрела на меня так, будто я предложил ей вылепить герцога и сжечь.

— Ты решил печь лечить грязью?

— Временно стабилизировать.

— Грязью.

— Глиной.

— В Нижних это одно и то же.

Она всё равно сделала.

Пока Мишка мешал глину, я поймал себя на странном ощущении. Комната перестала быть просто чужой. Она стала задачей. А задачи я умел держать в голове. Даже когда вокруг всё разваливалось, задача давала опору.

Вот это — балка. Вот это — печь. Вот это — больная женщина. Вот это — мальчик. Вот это — девчонка с ножом, которая не доверяет, но помогает. Вот это — я, в теле человека, которого, вероятно, многие хотели бы увидеть мёртвым.

Набор исходных данных плохой.

Но не нулевой.

Глиной заделали самые явные трещины у трубы. Дым полностью не исчез, но стал тянуться лучше.

[Частичная стабилизация печной трубы] Риск задымления

я:высокий → средний.Риск возгорания перекрытия:23% → 17%
Навык:Практическая стабилизация +0.2%

Семнадцать процентов.

Всё ещё мерзко.

Но уже не немедленная смерть во сне.

Когда закончили, я был мокрый от пота и почти не видел правым глазом. Голова гудела, бок пульсировал, а в груди нарастала слабость. Слишком много для раненного тела.

Лиска это заметила первой.

— Всё. Хватит.

— Ещё северная стена.

— Северная стена подождёт.

— Она может не согласиться.

— Тогда я с ней поговорю. Ложись.

Она помогла мне опуститься на тюфяк. Не мягко, но аккуратно. Мишка подложил под спину скрученную тряпку.

Арина подозвала его слабым жестом.

— Мишенька... воды.

Он бросился к ведру.

Я посмотрел на неё. Она пыталась улыбаться. Не получалось. Губы дрожали от усталости.

— Ты не должен был вставать, — сказала она.

— Я и не вставал. Меня не пустили.

— Макар.

Вот это материнское “Макар” было хуже любого системного предупреждения.

Я замолчал.

Она смотрела внимательно. Тревожно. Нежно. И слишком глубоко.

— Ты стал другим.

Лиска у печи сделала вид, что не слушает.

Мишка замер с кружкой.

Я медленно вдохнул.

— Может, старый я наконец ударился головой достаточно сильно, чтобы поумнеть.

Арина не улыбнулась.

— Не шути так.

— Хорошо.

Она протянула руку. Я не сразу понял, что она хочет. Потом накрыл её пальцы своей ладонью.

Кожа горячая. Сухая. Слабая.

Контур не включался сам. И слава всем местным богам. Я не хотел сейчас видеть её как объект с процентами. Не хотел знать, сколько в ней осталось устойчивости.

Пока не хотел.

— Мам, — сказал я тихо.

Слово далось странно.

Будто я взял в рот чужую монету и попытался понять её вкус.

— Я здесь.

Арина закрыла глаза.

— Вот и будь.

Простая просьба.

Самая тяжёлая из всех.

Снаружи послышались быстрые шаги. Потом дверь распахнулась без стука.

— Лютый!

В комнату влетел рыжий парень лет шестнадцати, худой, веснушчатый, с такими живыми глазами, будто он даже во сне что-нибудь высматривал. За ним вошёл второй — широкий в плечах, коротко стриженный, с тяжёлой челюстью и руками человека, который редко спрашивает дважды.

Память Макара дала имена.

Сенька Рыжий.

Гвоздь.

Сенька первым увидел меня, потом подпорку под балкой, потом глину у печи, потом снова меня.

— Ты что тут устроил?

— Доброе утро, — сказал я. — Или что там сейчас.

— Он говорит “доброе утро”, — Сенька повернулся к Гвоздю. — Ты слышал? Его точно в лесу подменили.

Гвоздь посмотрел на меня молча.

Вот этот был опаснее. Сенька болтал, чтобы думать. Гвоздь думал, чтобы потом ударить.

— Живой, — сказал он наконец.

— Не благодаря ловчим.

Сенька присвистнул.

— Значит, правда. У ворот говорят, что херцогские вчера

кого-то в чаще подстрелили, а потом там разлом хлопнул. Мы думали — всё, Лютому конец.

— Почти угадали.

Лиска подошла ближе.

— Что у ворот ещё говорят?

Сенька сразу стал серьёзнее.

— Ловчие спрашивали. Не по домам пока, но у ворот и на рынке. Мол, не видел ли кто парня с болтом, в бурой куртке, из Нижних. Один сказал, что видел кровь у угольной дороги.

Трофим.

Или кто-то другой.

Неважно.

— Они сюда придут? — тихо спросил Мишка.

Сенька посмотрел на него и слишком быстро улыбнулся.

— Да кому охота в нашу Яму лезть?

Неправильный ответ.

Если людям херцога нужно будет напомнить бедным, где их место, они придут. Ещё как.

Гвоздь шагнул к столу, взял кружку, понюхал, поморщился и поставил обратно.

— Мяса нет?

Прямой человек.

— Нет, — сказал я.

— Значит, зря полез?

Старый Макар, наверное, огрызнулся бы. Или швырнул кружку. Или напомнил бы Гвоздю, кто здесь решает.

Я же ответил:

— Значит, плохо спланировал.

Сенька моргнул.

Гвоздь нахмурился.

Лиска закрыла глаза, как человек, который понял: сейчас начнётся.

— Что? — спросил Гвоздь.

— Плохо спланировал, — повторил я. — Один пошёл в херцогскую чашу. Без отходного пути. Без второго человека на наблюдении. Без понимания, где ловчие. Итог — болт в боку, мяса нет, хвост за мной может прийти сюда.

Тишина стала плотной.

Сенька медленно сел на край стула.

— Макар, ты сейчас себя ругаешь?

— Анализирую ошибку.

— Кого?

— Себя.

Он посмотрел на Лиску.

— У него жар?

— Есть, — сказала она. — Но это началось раньше жара.

Гвоздь подошёл ближе.

— Ты чего такой стал?

Я устал от этого вопроса. Но он был справедлив.

— Умирать не понравилось, — сказал я. — Решил попробовать жить умнее.

Сенька тихо хмыкнул.

— Лютый и умнее. День начался интересно.

— Нам нужны деньги, — сказал я.

Вот это все поняли сразу.

Комната стала деловой.

— Сколько? — спросила Лиска.

— Минимум серебрушка. Лучше три. Болт надо вытаскивать не у мясника.

Сенька присвистнул.

— Три серебра? Да проще новый бок украсть.

— Есть варианты?

Он задумался. Гвоздь молчал. Лиска смотрела в пол.

Потом Сенька сказал:

— У Кривого Пахома можно взять.

— Нет, — сразу сказала Лиска.

Память Макара отозвалась неприятным холодком.

Кривой Пахом. Местный ростовщик, скупщик краденого, человек, который давал медь, а забирал жизнь частями. Старый Макар уже имел с ним дела.

— Я ему должен? — спросил я.

Лиска резко подняла глаза.

— Ты не помнишь?

Опасно.

— После леса кусками.

Сенька почесал рыжую макушку.

— Должен. Немного.

— Сколько?

Он поморщился.

— С процентами — полтора серебра.

Я закрыл глаза.

Конечно.

Почему бы и нет.

— За что?

— За лекарство тётке Арине. И за тот раз, когда Гвоздь выкупали из подвала у портовых.

Гвоздь отвёл взгляд.

Значит, правда.

— Пахом даст ещё? — спросил я.

— Даст, — сказала Лиска. — А потом заберёт Мишку в работу или меня. Или тебя, если выживешь.

В комнате похолодело без всякой магии.

— В какую работу? — спросил я.

Никто не ответил.

И ответ был понятен.

Плохая система.

Очень плохая.

Я провёл ладонью по лицу.

— Значит, у Пахома не берём.

Сенька уставился на меня.

— А где?

— Заработаем.

На этот раз засмеялись почти все. Даже Гвоздь издал короткий звук, похожий на кашель.

— Ты? — Сенька вытер глаза. — С болтом в боку?

— Не я один.

Лиска перестала улыбаться.

— И что ты придумал?

Я посмотрел на подпорку, на печь, на инструменты под столом. Потом на Трофимову телегу за окном — её угол был виден через кривую щель в ставне. Угольщик, судя по всему, оставил её во дворе соседней лавки, пока сам где-то договаривался.

— В Нижних много того, что скоро развалится? — спросил я.

Все посмотрели на меня так, будто я спросил, бывает ли зимой холодно.

Сенька первым понял направление мысли.

— Ты хочешь чинить?

— Сначала смотреть. Потом чинить то, за что заплатят.

— Кто тебе заплатит?

— Тот, кому дешевле дать медь сейчас, чем завтра покупать новую телегу, крышу или ногу.

Гвоздь хмуро сказал:

— Люди не любят платить за “может сломаться”.

— Значит, начнём с того, что уже почти сломалось.

Лиска молчала. Слишком внимательно.

— Колесо Трофима, — сказала она наконец.

— Да.

— Ты правда его слышал?

— Да.

— А если посмотреть другие телеги?

— Смогу. Но не долго.

Сенька оживился.

— У рынка перед полуднем возчики стоят. Там телег —
тьма.

— Мне нельзя к рынку, — напомнил я. — Ловчие.

— Не к Верхнему. К нижнему угольному. Там стража
только когда драка большая.

Гвоздь кивнул.

— Там можно.

Лиска сразу возразила:

— Он до двери еле дышит.

— Значит, вы пойдёте, — сказал я.

Они замолчали.

— Я скажу, что смотреть. Вы найдёте тех, у кого проблема
видна и без дара. Треснувшие колёса, гнилые стойки, про-
севшие навесы. Приведёте сюда или договоритесь, чтобы я
посмотрел издали. За медь. Не за спасибо.

Сенька медленно улыбнулся.

— Лютый открыл мастерскую, лежа на тюфяке с болтом
в боку.

— Название длинное, но точное.

Лиска всё ещё сомневалась.

— А если ошибёшься?

— Тогда нас побьют.

— Утешил.

— Поэтому начнём с малого.

И тут снаружи раздался стук.

Не в дверь.

В косяк.

Три удара. Медленно. Уверенно.

Лиска мгновенно вытащила нож. Гвоздь встал так, что закрыл собой Мишку. Сенька исчез к стене — почти растворился в тени.

В дверном проёме появился человек в тёмной куртке с меховым воротником. Не бедняк. Не стражник. Слишком чистый для первого, слишком вежливый для второго. Лицо узкое, нос перебит, на губах тонкая улыбка.

Память Макара узнала его сразу и очень неохотно.

Рябой Федя.

Человек Кривого Пахома.

— Живой, значит, — сказал он, оглядывая комнату. — А Пахом Григорыч уж переживал.

— Сомневаюсь, — сказал я.

Федя улыбнулся шире.

— И язык при тебе. Радость какая.

Он вошёл без приглашения. Гвоздь сделал шаг навстречу, но Федя даже не посмотрел на него.

— Лютов, долг пора вспоминать.

— Я ранен.

— Вижу. Поэтому и пришёл вежливо.

Лиска тихо фыркнула.

Федя повернул к ней голову.

— Лисонька, я бы на твоём месте ножик убрал. Рука дрогнет — потом жалеть будешь. Недолго, но искренне.

Она нож не убрала.

Федя снова посмотрел на меня.

— Полтора серебра. Через три дня будет два. Через неделю — два с половиной. Пахом Григорыч человек мягкий, но счёт любит.

— Денег нет.

— Это я тоже вижу.

Его взгляд скользнул к Арине, задержался на Мишке, потом вернулся ко мне.

Вот теперь в комнате стало по-настоящему тихо.

Я почувствовал, как внутри поднимается злость. Не горячая. Холодная. Та, с которой закрывают вентиль перед тем, как цех уйдёт в огонь.

— На них не смотри, — сказал я.

Федя поднял брови.

— А то что?

Старый Макар, возможно, бросился бы. Получил бы удар, порвал рану, умер красиво и бесполезно.

Новый Макар лежал на тюфяке, считал риски и смотрел на дверной косяк за плечом Феде.

Косяк был плохой.

Очень плохой.

Не весь дом.

Только вход.

[Фокусированный анализ]Объект: дверной проём.Состояние: критический износ крепления верхней притолоки.Нагрузка: повышенная.Условие смещения:боковой удар / резкое открытие двери / давление на правую стойку.

Интересно.

Федя стоял как раз у правой стойки, слегка опираясь плечом.

— А то я верну долг, — сказал я. — Но если ты тронешь мать или брата, я сначала сломаю тебе то, что плохо срастётся.

Он рассмеялся.

— Ты? Сейчас?

— Сейчас я запомню.

Смех стал тише.

Взгляд Феде изменился. Люди вроде него хорошо чувствуют угрозы. Не всегда боятся, но чувствуют.

— Три дня, Лютов. Потом Пахом сам решит, что брать.

Он повернулся к выходу и нарочно толкнул плечом стойку — то ли чтобы показать, что не боится, то ли просто по привычке.

Я успел сказать только:

— Не надо.

Поздно.

Стойка треснула.

Верхняя притолока сдвинулась, с неё посыпалась сухая глина и труха. Дверь перекосило и ударило Федю по плечу так, что он выругался и отскочил. Не сильно. Но достаточно, чтобы все увидели: я предупредил до того, как случилось.

Федя замер.

Лиска уставилась на косяк.

Сенька прошептал:

— Твою ж...

Мишка смотрел на меня так, будто я только что заставил дом ударить человека.

Плохой вывод.

Но, возможно, полезный.

Федя медленно выпрямился, стряхнул с плеча труху. В глазах уже не было улыбки.

— Три дня, — повторил он.

И вышел.

Дверь осталась висеть криво.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Лиска повернулась ко мне.

— Макар.

— Что?

— Ты это сделал?

— Нет.

Это была правда.

— Но знал?

— Да.

Она села на стул, будто у неё вдруг подломились ноги.

Сенька подошёл к косяку, потрогал трещину и быстро убрал руку.

— Слушайте... — сказал он медленно. — А за такое ведь правда могут платить.

Гвоздь впервые за всё утро посмотрел на меня не как на друга, врага или больного.

А как на инструмент, который может изменить правила.

Мне это не понравилось.

И одновременно было именно то, что нам нужно.

Я хотел ответить, но в этот момент мир за стеной тихо скрипнул.

Не дверь.

Не балка.

Не колесо.

Что-то другое.

Глубже.

Тонкая боль прошла через виски, но была не похожа на обычный анализ. Скорее на зов. Или на далёкий металлический стон, который слышишь кожей раньше уха.

Я повернул голову к северной стене.

За ней, где-то в переулке или под землёй, что-то натягивалось.

Не дерево.

Не камень.

Не человеческий долг.

Так трещит не конструкция.

Так трещит место, которому больше нельзя держать два мира сразу.

Перед глазами мигнуло и тут же погасло:

[Внимание]Обнаружены признаки формирования нестабильного разлома.Расстояние: неизвестно.Класс: не определён.Фаза: предразрывная.

Я медленно выдохнул.

Ну конечно.

Потому что одного болта, дырявой крыши, больной матери, долга ростовщику и херцогских ловчих было бы слишком мало для первого рабочего дня.

— Что там? — спросила Лиска.

Я посмотрел на стену, за которой мир начинал ломаться.

— Кажется, — сказал я, — у нас будет ещё один ремонт.

Глава 4. Пред разрывная фаза

— Кажется, у нас будет ещё один ремонт.

Я сказал это тихо, почти спокойно, и сам себе не поверил.

Потому что спокойствия во мне не было.

Было тридцать шесть процентов общей устойчивости, болт в боку, начинающийся жар, долг ростовщику, херцогские ловчие где-то наверху города и странное ощущение, будто за северной стеной мира кто-то медленно проворачивает ржавый вентиль.

Не тот звук.

Не бытовой.

Дом скрипит иначе. Балка предупреждает. Печь хрипит. Колесо стучит. Даже плохая дверь, прежде чем ударить человека по плечу, честно сообщает о своём намерении.

А это было глубже.

Так могла бы звучать реальность, если бы у неё были сварные швы.

— Какой ещё ремонт? — спросила Лиска.

Я поднял руку, заставляя её замолчать.

Сам удивился жесту. Не потому что он был грубый. Старый Макар наверняка так делал часто. Но сейчас в этом жесте не было хамства. Только просьба не мешать слушать.

За стеной кто-то крикнул.

Коротко.

Не от драки. В Нижних Клиньях крик драки я уже научился отличать по памяти Макара. Там всегда были злость, мат, ответный удар. Этот крик был другой — детский, высокий, сорвавшийся.

Потом залаяла собака.

И сразу замолчала.

Плохо.

Очень плохо.

Я попытался сесть ровнее. Бок вспыхнул, словно болт внутри решил напомнить, что ему тоже интересно участвовать в событиях. Лиска шагнула ко мне.

— Даже не думай вставать.

— Уже думаю.

— Тогда перестань.

— За стеной разлом.

Она застыла.

Сенька Рыжий, который до этого рассматривал перекошенный косяк, резко повернулся.

— Разлом?

Гвоздь молча подошёл к окну и отодвинул тряпку, замявшую занавеску.

— Не вижу.

— Я тоже, — сказал я. — Пока.

Мишка побледнел.

— Как в старой прачечной?

Комната замолчала.

Я не знал, что было в старой прачечной, но память Макара услужливо подкинула обрывок: три года назад в Нижних открылся маленький разлом в заброшенной прачечной. Стража пришла поздно. Гильдейские — ещё позже. К тому времени двое детей исчезли, одна женщина сошла с ума, а из-под пола потом неделю доставали серую слизь и кости.

Макар тогда был младше. Он видел, как Мишка плакал ночью и просил закрыть щель под дверью, потому что оттуда “может вылезти то серое”.

Хорошая память.

Очень своевременная.

[Внимание]Признаки формирования нестабильного разлома усиливаются.Фаза: предразрывная.Расстояние: 18–26 метров.Направление: север / северо-восток.Класс: предварительно Е.Риск мгновенного раскрытия: 41%

Восемнадцать-двадцать шесть метров.

Это не где-то в городе.

Это почти во дворе.

— Лиска, — сказал я. — Что за северной стеной?

— Переулок. Канава. Сарай Тишки-кожевника. Дальше пустырь.

— Люди?

— Всегда.

— Дети?

Она выругалась.

Вот и ответ.

Я повернулся к Сеньке.

— Беги. Посмотри, где именно. Не подходи близко. Если увидишь туман, свет, трещину, мёртвых птиц, странную тень — назад.

— А если ничего не увижу?

— Вернёшься и скажешь, что ничего не увидел.

— А если тварь?

— Не геройствуй.

Сенька моргнул.

— Ты мне это говоришь?

— Да. Неудобно, сам понимаю.

Он рванул к двери, но я окликнул:

— Стой.

Он замер.

— Если увидишь детей — гони сюда или к южному проулку. Не к канаве.

— Почему?

Я посмотрел на северную стену. В ней уже проступали тонкие линии напряжения. Не физические. Те, другие. Контурные.

— Потому что разлом тянет воду.

Сенька побледнел, но кивнул и выскочил.

Гвоздь посмотрел на меня.

— Что мне?

Вот это мне понравилось. Не “почему”, не “откуда знаешь”, не “ты с ума сошёл”.

Что мне?

Прямой человек.

— Нужны верёвка, длинная жердь, два крепких кола. И люди, которые не будут орать.

— В Нижних таких мало.

— Тогда те, кто орёт тише.

Гвоздь кивнул и вышел следом.

Лиска осталась.

— А мне?

— Ты не дашь мне упасть.

— Плохая работа.

— Зато ответственная.

— Ты не выйдешь.

— Выйду.

— Макар.

Я посмотрел на неё.

— Если это Е-класс и он раскроется рядом с домами, у нас есть несколько минут до того, как начнут лезть твари или проседать земля. Если я останусь здесь, мы будем ждать, пока кто-то умнее, богаче и дальше от канавы решит, что Нижние тоже стоит спасать.

Она сжала губы.

— Они не придут быстро.

— Знаю.

— Они вообще могут не прийти.

— Тоже знаю.

Арина на лежанке закашлялась. Сухо, тяжело. Мишка стоял рядом с ней, но смотрел на меня.

— Я помогу, — сказал он.

— Нет, — одновременно сказали мы с Лиской.

Мишка вспыхнул.

— Я могу!

— Можешь, — сказал я. — Поэтому останешься с матерью. Это не меньше помощь.

Он хотел спорить, но Арина слабо положила руку ему на плечо.

— Миша.

Мальчик замолчал.

Я осторожно свесил ноги с тюфяка. Мир качнулся. Лиска оказалась рядом раньше, чем я успел понять, что падаю. Подставила плечо. Маленькая, костлявая, злая — и удивительно крепкая.

— Если помрёшь во дворе, я тебя обратно не потащу, — сказала она.

— Договорились. Умру ближе к двери.

— Идиот.

— Временно исполняющий обязанности.

Первые три шага были худшими.

Потом стало хуже.

Тело вообще плохо относится к идее ходить после арбалетного болта. Странно, но факт. Доска, привязанная к дереву, мешала двигаться, зато не давала болту проворачивать-

ся. Лиска держала меня за левую руку, но делала вид, что просто помогает равновесию, а не тащит на себе половину моего веса.

Когда мы вышли во двор, утро ударило в лицо сыростью и шумом.

Нижние Клины просыпались.

И боялись.

Люди стояли у дверей, высовывались из окон, ругались, звали детей. Кто-то уже бежал к южному проулку. Кто-то, наоборот, лез посмотреть. В таких местах любопытство — особый вид самоубийства, передающийся по наследству.

За северной стеной нашего дома тянулась канава. Вода в ней действительно вела себя неправильно.

Она текла вверх по уклону.

Медленно, упрямо, как будто кто-то невидимый тянул её за волосы.

Над сараем Тишки-кожевника висела дрожащая дымка. Не туман. Туман не собирается в вертикальную складку между двумя покосившимися столбами. Туман не втягивает в себя пыль. Туман не заставляет воздух вокруг выглядеть так, будто на него смотрят через горячее стекло.

Контур вспыхнул сам.

Я не успел сузить анализ.

И пожалел.

Мир развернулся внутренностями.

Дома, столбы, канава, люди, сырость, дым, страх — всё

стало линиями, узлами, дрожащими напряжениями. У каждого предмета была своя устойчивость. У каждой стены — слабое место. У каждого движения — риск. А в центре перелучка, возле сарая, собиралась чужая структура: тонкая, рваная, но растущая.

Я застонал и едва не рухнул.

Лиска вцепилась в меня.

— Макар!

— Тихо, — выдавил я. — Слишком широко взял.

— Что?

— Не весь двор. Только разлом.

Я закрыл глаза, хотя это было странно: Контур видел не глазами. Дышать. Медленно. Как у линии аварийного сброса. Убрать лишнее. Дома — потом. Люди — потом. Канава — только если связана.

Только разлом.

[Фокусированный анализ]Объект: формирующийся межмировой разлом.Класс: Е.Фаза: предразрывная → раскрытие.Стабильность контура: 22%Ядро: не сформировано.Опорные узлы: 3.Связанные элементы:1. водный поток в канаве;2. металлический лом в основании сарая;3. корневой узел под северной стеной.Риск выброса: средний.Вероятность проникновения малых существ: 68%

Три опоры.

Вода. Металл. Корень.

Ну конечно.

Любая дрянь любит держаться за то, что уже плохо лежит.
Из переулка выскочил Сенька, размахивая руками.

— Там оно! У Тишкиного сарая! Столб светится, вода назад пошла, и там... там будто щель!

— Люди?

— Двое мелких были, я прогнал. Тишка орёт, что это его сарай и чтоб никто не трогал.

— Где Тишка?

— У сарая.

— Прекрасно. Идиот при объекте.

Лиска коротко усмехнулась.

Гвоздь появился следом. На плече нёс жердь, под мышкой верёвку, в другой руке два кола. За ним шёл ещё один парень, незнакомый мне, с перекошенным лицом и топором.

— Это Клим, — сказал Гвоздь. — Орать не будет.

Клим молча кивнул.

Одобряю.

— Что делать? — спросил Гвоздь.

Я посмотрел на переулок.

Щель уже стала видимой для всех. Узкая, с локоть высотой, висящая над грязью. Её края мерцали грязно-серым. Вода из канавы втягивалась к ней тонкими струйками, поднимаясь по воздуху как прозрачные жилы. Изнутри шёл звук — будто кто-то царапал камень костями.

Люди начали отступать.

Поздно, но лучше, чем никогда.

Тишка-кожевник, сухой мужик в грязном фартуке, стоял у сарая и вопил:

— Не трогать! Это мой сарай! Там шкуры! Там товар!

Из щели высунулась тонкая белая лапа.

Потом вторая.

Потом голова.

Существо было размером с кошку, но кошки, к счастью, редко бывают лысыми, слепыми и с пастью, раскрывающейся на четыре части. Оно упало в грязь, затряслось, принялось всем телом и резко повернулось на звук Тишкиного голоса.

— Назад! — крикнул я.

Тишка не понял.

Или не захотел.

Тварь прыгнула.

Гвоздь успел раньше.

Он шагнул вперёд и ударил жердью. Не красиво, но мощно. Существо отлетело в канаву, заверещало, и вода вокруг него зашипела.

[Существо: малый разломный падальщик]Класс угрозы: ЕРеакция:звук;тепло;кровь.Рекомендация:избегать шума.не подпускать к раненым.

К раненым.

Прекрасно.

Я был ходячей приманкой.

Из щели полезло второе существо.

Потом третье.

— Лиска, — сказал я. — Людей назад. Тишку — силой.
— С радостью.

Она сорвалась с места, будто ждала именно такого разрешения. Подлетела к кожевнику, схватила его за рукав. Он попытался вырваться. Лиска ткнула ножом ему под подбородок и сказала что-то очень короткое. Тишка сразу вспомнил, что жизнь дороже шкур.

— Гвоздь, Клим! — крикнул я. — Держите тварей на расстоянии. Не бейте рядом с щелью!

— Почему? — спросил Клим.

— Потому что она любит шум и удар.

Это было неточно.

Но достаточно понятно.

Сенька уже стоял рядом.

— А мне?

— Видишь канаву?

— Было бы сложно не заметить.

— Там первый узел. Вода держит край разлома. Нужно перекрыть поток выше, но не полностью. Замедлить. Не останавливать.

— Чем?

Я посмотрел на двор. Грязь, доски, мусор, обломки. Всё, как обычно в бедном квартале: если долго смотреть, изхлама можно собрать почти что цивилизацию.

— Досками. Тряпками. Навозом. Чем угодно. Сделай запруду выше по канаве, но оставь узкий слив справа.

Сенька уставился на меня.

— Ты хочешь строить плотину из дерьма, пока из воздуха лезут зубастые крысы?

— Да.

— Хорошо. А то я подумал, что утро скучное.

Он побежал.

Теперь металл.

В основании сарая, у самой земли, торчал старый железный лом. Память подсказала: Тишка подпирал им дверь, потом забыл, потом вбил в грязь, потому что в Нижних всё рано или поздно становится строительным материалом.

Лом светился по контуру едва заметным серым отблеском. Разлом зацепился за него, как за арматуру.

Если выдернуть резко — щель может раскрыться шире. Если расшатать и повернуть...

Голова снова заболела.

[Опорный узел 2: металлический проводник]Состояние: перегружен.Рекомендация:поворот на 32–38 градусов против направления потока.Риск:при резком извлечении возможен выброс.

— Гвоздь!

Он как раз отбросил вторую тварь в сторону. Первая, та, из канавы, уже снова выбиралась, шипя и открывая пасть на четыре лепестка.

— Чего?

— Видишь железо у сарая?

— Вижу.

— Его надо повернуть. Не выдёргивать. Повернуть. Медленно. Против хода воды.

— Какого хода? Она во все стороны течёт!

— Тогда против самого неправильного!

Гвоздь посмотрел на меня так, будто хотел уточнить, не шучу ли я. Потом решил не тратить время.

— Клим! Прикрой!

Они двинулись к сараю.

Твари реагировали на движение. Одна прыгнула на Клима. Тот встретил её топором, сбил вниз и наступил сапогом. Существо хрустнуло, но не умерло сразу, а попыталось обвить его ногу тонким хвостом.

Лиска метнула нож.

Попала в голову.

— Я сказала людям назад, а не тварям вперёд! — крикнула она.

— Хорошая работа! — ответил я.

— Заткнись и команду!

Да, сработаемся.

Оставался третий узел.

Корневой под северной стеной.

Я повернул голову к нашему дому.

И похолодел.

Разлом держался не просто за корень. Корень уходил под нашу северную стену — ту самую, у которой устойчивость

была тридцать семь процентов. Если нарушить его неправильно, стена могла просесть. Если не нарушить — разлом раскроется шире. Если ждать — твари полезут уже не по одной.

Плохой выбор.

Настоящий.

Из тех, где нет правильного решения. Есть только ущерб, который ты готов принять.

[Опорный узел 3: корневая связка]Связанные конструкции:северная стена жилого строения.При прямом разрушении узла:риск просадки стены — 61%При частичной разгрузке:риск просадки — 24%вероятность схлопывания разлома — 53%Рекомендация:стабилизировать стену перед воздействием.

Стабилизировать стену.

Конечно.

А ещё можно было бы вызвать кран, бригаду, сварщика, нормальный инструмент и начальника участка, который потом спросит, почему всё так дорого.

— Лиска! — крикнул я.

Она обернулась.

— Мне нужна вторая подпорка к северной стене. Быстро. Любая доска. Клин. Верёвка.

— Ты издеваешься?

— Да, но разлом не оценит.

Мишка выскочил из дома с куском верёвки.

— Я нашёл!

— Назад! — рявкнул я.

Он замер как вкопанный.

Одна из тварей резко повернула голову к его голосу.

Я увидел, как она напряглась.

Слишком далеко для меня.

Слишком близко к нему.

Гвоздь был занят ломом. Клим отбивался от другой. Лиска далеко.

Тварь прыгнула.

Мир сузился.

Не вся тварь.

Только траектория.

Не весь двор.

Только точка перехвата.

Рядом валялась короткая палка. Я схватил её левой рукой и бросил не в существо, а в старое ведро возле канавы.

Попал.

Ведро загрохотало.

Тварь в воздухе изменила направление на звук, ударилась о стену, упала и тут же вскочила, дезориентированная.

Лиска добежала и прибила её каблуком к земле.

— Мишка! — крикнула она так, что даже я испугался. — В дом!

Он побежал обратно.

У меня перед глазами потемнело.

[Экстренный анализ траектории]Перегрузка восприятия:
средняя.Стабильность носителя: 31%

Не сейчас.

Только не сейчас.

Гвоздь тем временем добрался до лома. Взялся обеими руками и начал поворачивать.

Металл не шёл.

— Медленно! — крикнул я. — Не рви!

— Он не двигается!

— Тогда раскачай!

— Ты определись!

— Раскачай медленно!

Гвоздь выругался, но подчинился. Лом скрипнул. Серый свет вокруг него задрожал. Разлом на мгновение вытянулся вверх, стал тоньше.

Сенька выше по канаве строил свою плотину из досок, тряпок и, судя по запаху, действительно навоза. Вода начала замедляться, но оставленный им боковой слив дал узкую струю вправо.

Не идеально.

Хорошо.

[Опорный узел 1: водный поток]Нагрузка снижена на
43%Стабильность разлома: 22% → 17%

Семнадцать.

Гвоздь провернул лом.

[Опорный узел 2: металлический проводник]Положение

изменено. Нагрузка снижена на 58% Стабильность разлома: 17% → 11% Предупреждение: начинается неконтролируемое схлопывание при активном узле 3.

Вот теперь северная стена могла пойти.

Я почувствовал, как земля под ногами едва заметно дрогнула. Наш дом издал тихий деревянный стон.

Арина.

Мишка.

Там внутри.

— Лиска! Подпорку!

Она уже тащила доску. Одна. Тяжёлую, мокрую, с гвоздями. Лицо у неё было белым от усилия.

— Сюда! — я указал на место у стены. — Под угол! Нет, ниже! Клин под низ!

— Я не понимаю!

Я сделал шаг к ней.

И почти упал.

Боль пробила бок до позвоночника. Болт дёрнулся. Тёплая кровь пошла под повязкой.

Лиска увидела.

— Стой!

— Клин, — выдохнул я. — Под доску. Ударь. Два раза. Не больше.

Она вбила клин.

Раз.

Стена скрипнула.

Два.

[Временная стабилизация северной стены]Эффективность: 28%Риск просадки:61% → 32%

Мало.

Но другого не было.

— Теперь корень, — сказал я.

— Какой?!

Я показал на землю у основания стены, где из грязи выходила тёмная корневая дуга.

— Не рубить. Подрезать сверху. Только верхний слой. Потом оттянуть верёвкой к канаве.

— Макар, ты сейчас слова кидаешь как горох!

— Лиска.

Она замолчала.

Я посмотрел ей в глаза.

— Если рубанешь — дом может сесть. Если не тронешь — щель раскроется. Подрезать сверху. Оттянуть. Не ломать.

Она сглотнула.

— Поняла.

Сенька прибежал, запыхавшись.

— Плотина из дерьма готова!

— Верёвку к корню!

— К какому?

— К тому, который сейчас решает, будет ли у нас дом!

— А, к важному.

Они работали быстро. Не потому что понимали. Потому

что доверились. Это было опаснее, чем недоверие. Когда люди тебе доверяют, ошибаться становится тяжелее.

Из разлома вылезло ещё две твари.

Потом третья, крупнее.

Щель дрожала, сжималась и расширялась, как рана, которая не может решить, закрываться ей или гноиться.

Клим и Гвоздь держали существ. Гвоздь уже был ранен — на руке тянулась кровавая полоса. Клим тяжело дышал, но не отступал. Тишка-кожевник, к моему удивлению, тоже не убежал. Он стоял позади с длинной вилой и бил тварей, если те подходили к его шкурам. Мотивация сомнительная, результат полезный.

Лиска подрезала корень. Сенька набросил верёвку.

— Тяни к канаве! — крикнул я.

— Сильно?

Я посмотрел на Контур.

[Опорный узел 3]Текущее напряжение: высокое.Рекомендация:постепенная разгрузка.Резкое смещение приведёт к просадке стены.

— Медленно! До скрипа! Как заскрипит — стоп!

Они потянули.

Корень напрягся. Земля у стены вздулась. Дом за моей спиной тихо застонал.

— Медленнее!

Лиска выругалась, но ослабила.

Разлом вытянулся в тонкую линию. Твари заверещали. Те,

что уже вылезли, начали метаться, будто потеряли запах.

[Стабильность разлома: 11% → 7%]Фаза: схлопывание.Внимание:для завершения требуется синхронное нарушение остаточных связей узлов 1 и 3.

Синхронное.

Вода и корень.

— Сенька!

— Что?!

— Плотину сломать по моему слову. Не всю — правый край.

— Я только построил!

— Значит, знаешь, где ломать!

Он побежал обратно к канаве.

— Лиска! На моё слово — резкий рывок корня. Один.

Потом отпустить.

— Если стена?

— Поэтому отпустить.

— А если не получится?

Я посмотрел на щель.

Из неё показалась длинная белая морда, намного крупнее предыдущих. Слишком крупная для Е-класса? Или просто финальный выброс. Пасть раскрылась, изнутри потянуло холодным запахом падали.

— Тогда будет хуже, — сказал я.

— Утешил!

— Все готовы?

Никто не ответил.

Но все посмотрели на меня.

Гвоздь держал жердь. Клим поднял топор. Сенька стоял у плотины. Лиска с верёвкой в руках. Мишка выглядывал из двери, хотя я сто раз сказал бы ему не делать этого, если бы были силы. Арина стояла за ним, держась за косяк.

Даже она встала.

Плохо.

Очень плохо.

Но сейчас не до этого.

Я поднял руку.

Контур дрожал перед глазами. Разлом был как плохой клапан под давлением — если закрыть слишком быстро, рванёт; если оставить, разнесёт линию; если попасть в момент, система сама уйдёт в безопасный сброс.

Момент.

Найти момент.

Щель расширилась.

Сузилась.

Вода дёрнулась.

Корень хрустнул.

Сейчас.

— Давай!

Сенька ударил по правому краю плотины. Вода рванула вбок, уходя от разлома. Лиска и Гвоздь одновременно дёрнули верёвку. Корень сместился, но не лопнул.

Разлом выгнулся дугой.

Белая морда внутри завизжала.

Воздух хлопнул.

Не так громко, как в лесу. Но большее. Потому что здесь было тесно, стены близко, люди рядом. Меня ударило в грудь холодом и швырнуло назад. Лиску сбило с ног. Сенька упал в канаву. Гвоздь устоял, но его протащило по грязи на полшага.

Щель сложилась.

Вода рухнула обратно в канаву.

Твари, которые успели выйти, забились в грязи. Две сразу рассыпались серой трухой. Третья попыталась ползти к Тишке, но Клим молча опустил на неё топор.

Потом стало тихо.

Очень тихо.

[Разлом класса Е закрыт]Метод: структурное схлопывание.Ядро не сформировано.Побочные повреждения:локальная просадка грунта;деформация северной стены;остаточное разломное загрязнение — низкое.Навык:Структурное зрение +0.4%Навык:Диагностика устойчивости +0.3%Навык:Практическая стабилизация +0.5%Открыт навык:Разломное воздействие — 0.1%

Разломное воздействие.

Я хотел подумать об этом.

Правда хотел.

Но сначала меня вырвало.

Потом из-под повязки потекла кровь.

Лиска, вся в грязи, подползла ко мне первой.

— Макар!

— Не ори, — прошептал я. — Твари на звук.

— Твари сдохли, идиот!

— Тогда просто не ори.

Она прижала ладонь к повязке. Больно. Правильно. Мишка плакал у двери, но молча. Арина держалась за косяк и смотрела на закрывшийся разлом с таким лицом, будто увидела не чудо, а счёт, который нам теперь предъявят.

Вокруг начали собираться люди.

Сначала осторожно.

Потом ближе.

Кто-то крестился местным знаком. Кто-то шептал. Кто-то смотрел на меня, потом на место, где была щель, потом снова на меня.

Тишка-кожевник первым нарушил тишину.

— Это... это мой сарай спасло?

— Твой сарай, — выдохнул я, — чуть нас всех не убил.

— Но спасло же?

Лиска подняла голову.

— Тишка, если сейчас не заткнёшься, я тебя сама в канаву стабилизирую.

Он заткнулся.

Гвоздь подошёл к нам, тяжело дыша. На руке кровь, на лице грязь. Посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты знал, что так можно.

— Нет.

Он нахмурился.

— Но сказал.

— Я видел, как может.

— Это одно и то же?

— Нет.

Гвоздь подумал.

— Ладно.

Для него этого пока хватило.

Сенька вылез из канавы, весь мокрый и вонючий.

— Если кто спросит, плотину из дерьма придумал я.

— Обязательно, — сказала Лиска. — Так и скажем: Сенька спас Нижние навозом.

— Звучит героически.

Люди вокруг нервно засмеялись.

Смех был хороший знак. Плохой, но хороший. Значит, паника начала отпускать.

Потом из толпы вышел старик с палкой. Не очень старый, скорее высохший. Я не знал его, но память Макара подсказала: дед Яр, бывший каменщик. Когда-то работал на городских стенах, потом упал, повредил ногу и оказался в Нижних, как всё сломанное, что Верхнему городу больше не нужно.

Он посмотрел на закрывшийся разлом. Потом на подпорку у нашей стены. Потом на меня.

— Кто тебе сказал, где тянуть?

Вот это был правильный вопрос.

Не “что ты сделал”.

Не “как ты посмел”.

А именно — кто сказал, где тянуть.

Мастеровой человек.

— Никто, — ответил я.

— Сам увидел?

Я промолчал.

Старик медленно кивнул, словно молчание было ответом.

— Плохо.

Лиска вскинулась.

— Почему плохо? Он разлом закрыл!

— Потому и плохо, девка. Теперь всякая сволочь захочет узнать, как.

Толпа снова замолчала.

Вот теперь утро стало совсем взрослым.

Где-то далеко, выше по улице, прозвучал свисток стражи.

Один.

Потом второй.

Кто-то всё-таки побежал за властями. Или власти наконец услышали хлопок разлома и решили посмотреть, не пострадало ли что-нибудь ценное.

Например, не бедняки.

Они обычно не в счёт.

Я попытался подняться.

Лиска удержала.

— Куда?

— В дом.

— Тебе надо лежать.

— Именно. Но не во дворе, где меня сейчас увидит стража, Тишка, Пахом, полгорода и, возможно, личный писарь херцога.

Сенька сразу посерьёзnel.

— Он прав.

Гвоздь без лишних слов подхватил меня под левую руку. Лиска — под правую, осторожно, чтобы не задеть болт. Мир снова качнулся.

Пока меня тащили к двери, люди расступались.

И я видел их взгляды.

Страх.

Надежда.

Подозрение.

Жадность.

Уважение.

Всё сразу.

Плохая смесь. Горючая. В моём старом мире за такой смесью следили особенно внимательно.

У порога я обернулся.

Место, где был разлом, выглядело почти обычным. Грязь. Канава. Перекошенный сарай. Сломанная плотина из досок и мусора. Несколько серых пятен от рассыпавшихся тварей.

Почти обычное.

Если не знать, что пару минут назад здесь два мира пытались неудачно влезть друг в друга.

[Остаточный след разлома]Активность: 4%Риск повторного раскрытия в течение суток: 12%Рекомендация:наблюдение.очистка зоны.укрепление связанных конструкций.

Наблюдение.

Очистка.

Укрепление.

Конечно.

Список дел растёт быстрее, чем шансы выжить.

Когда мы вошли в дом, Арина уже сидела на лежанке, бледная, как полотно. Мишка держал её за руку.

— Макарушка...

Я хотел сказать, что всё хорошо.

Не сказал.

Вместо этого опустил на тюфяк и посмотрел на Лиску.

— Повязку.

Она уже разворачивала тряпки.

Кровь шла, но не так страшно, как могла. Болт не сме-
стил критично. Доска сработала. В который раз временная
плохая конструкция спасла жизнь лучше красивой правиль-
ной идеи, до которой никто не дожил.

Снаружи свистки стали ближе.

Сенька выглянул в щель у двери.

— Стража идёт.

— Сколько?

— Трое. Нет, четверо. И с ними писарь.

— Писарь — хуже, — сказал я.

Гвоздь удивлённо посмотрел на меня.

— Почему?

— Стражник может ударить. Писарь может записать.

В этом мире запись, скорее всего, была почти тем же, что и приговор. Особенно если её делали не в твою пользу.

Лиска затянула повязку. Я вдохнул сквозь зубы.

— Что говорить? — спросила она.

Вопрос был быстрый, точный.

Я посмотрел на всех: Лиску, Сеньку, Гвоздя, Мишку, Арину.

Моих людей.

Странно.

Я знал их меньше суток.

Но тело знало дольше. А долг иногда старше памяти.

— Правду, — сказал я.

Сенька скривился.

— Плохой план.

— Частичную правду. Разлом открылся. Мы увидели. Людей отвели. Твари полезли. Мы перекрыли канаву, сломали опоры, щель схлопнулась.

— А что ты?

— А я лежал с болтом и орал советы.

Лиска усмехнулась.

— Почти правда.

— Вот именно. Хорошая ложь должна экономить силы.
За дверью раздались шаги.

Грубый голос крикнул:

— Именем херцога! Всем оставаться на местах!

Я закрыл глаза на секунду.

Потом открыл.

Первый ремонт закончен.

Начиналась проверка качества.

Глава 5. Писарь хуже стражника

Стражники вошли так, как входят люди, привыкшие, что дверь — это не просьба, а препятствие.

Первым ввалился широкий мужик в кожаной кирасе, с коротким мечом на боку и лицом человека, которого жизнь давно научила не удивляться ничему дешевле убийства. За ним — второй, помоложе, с копьём и слишком старательной серьёзностью. Третий остался у входа, перекрыв проход.

А потом вошёл писарь.

И сразу стало понятно: вот этот опаснее.

Стражник смотрит, куда ударить. Писарь смотрит, где потом поставить точку.

Он был худой, сухой, в тёмном дорожном кафтане, с кожаной папкой под мышкой. Лицо бледное, вытянутое, глаза светлые и неприятно внимательные. Не злые. Злость — чувство честное, с ним проще. В его глазах была привычка раскладывать людей по строкам.

Имя. Происхождение. Вина. Показания. Решение.

Я таких знал.

В моём старом мире они назывались по-разному: инспекторы, проверяющие, юристы, внутренний аудит. Одни приходили после аварии и спрашивали, почему насос рванул. Другие приходили до аварии и спрашивали, почему ты просишь деньги на ремонт. Вторые были опаснее.

Потому что первые считали трупы.

А вторые экономили на причинах.

— Кто тут главный? — спросил широкий стражник.

В комнате стало тихо.

Очень смешной вопрос для Нижних Клиньев.

Здесь главным обычно был тот, у кого в данный момент больше сил, долгов или ножей.

Лиска стояла у печи, испачканная грязью, с ножом в руке. Сенька пытался выглядеть невидимым и, как всегда, делал это слишком заметно. Гвоздь стоял у стены, закрывая собой Мишку. Арина лежала у окна, бледная, но с поднятой головой.

Я лежал на тюфяке, с болтом в боку, мокрой от пота рубахой и повязкой, на которой уже проступала свежая кровь.

Из всех присутствующих я выглядел наименее пригодным для роли главного.

Поэтому, конечно, все посмотрели на меня.

Стражник тоже.

— Макар Лютов, — сказал он.

Не спросил.

Назвал.

Плохо.

— Бывает, — ответил я.

Лиска чуть слышно зашипела. Видимо, это был не лучший стиль общения с властью.

Писарь поднял глаза от папки.

— Значит, вы подтверждаете имя?

Я посмотрел на него.

— Если есть вариант выбрать другое, я готов обсудить.

Сенька закашлялся в кулак.

Широкий стражник шагнул ближе.

— Ты языком осторожнее, щенок.

— Постараюсь. Он у меня сейчас единственная часть, которая работает без перебоев.

Писарь не улыбнулся.

Вот именно поэтому он был опасен.

— Макар Лютов, — повторил он, открывая папку. — Нижние Клины. Возраст примерно семнадцать лет. Известен стражей по подозрениям в кражах, уличных драках, сбыте краденого железа, нападении на помощника лекаря...

— Он первый начал, — автоматически сказала Лиска.

Все посмотрели на неё.

Она подняла подбородок.

— Что? Начал же.

Писарь сделал пометку.

Я мысленно вздохнул.

Каждая фраза в присутствии писаря превращалась в гвоздь. И не обязательно в тот, который тебе нужен.

— ...и браконьерстве, — закончил он. — Интересное утро, Лютов.

— Для меня началось ещё вчера.

— Вот как.

Писарь опустил взгляд на мой бок.

— Арбалетный болт?

— Похоже.

— Херцогский.

Я молчал.

Широкий стражник усмехнулся.

— Нашли, значит, браконьера.

— Нашли раненого, — сказала Арина с лежанки.

Голос у неё был слабый, но все обернулись.

Мать Макара смотрела на стражника спокойно. Не смело

— сил на смелость у неё не было. Но в её взгляде было то, что иногда сильнее смелости: человек уже слишком много потерял, чтобы красиво бояться.

— Он дома был, — сказала она. — Его привезли.

— Молчи, женщина, — бросил молодой стражник.

Гвоздь сделал полшага вперёд.

Я едва заметно качнул головой.

Не надо.

Один удар сейчас — и у нас будет не разлом, а аресты.

Писарь заметил мой жест.

Конечно заметил.

— Кто привёз? — спросил он.

— Я, — раздалось от двери.

Трофим стоял на пороге, держа шапку в руках. Лицо хмурое, борода в угольной пыли. Он явно не собирался входить, но и уходить тоже.

Хороший человек.

Глупый, раз пришёл.

Но хороший.

— Имя? — спросил писарь.

— Трофим Харитонов. Угольщик.

— Где нашли Лютова?

Трофим посмотрел на меня.

Очень коротко.

Потом сказал:

— У старой угольной дороги. Полз почти. Болт в боку. Я довёз.

— Из леса?

— У дороги, — повторил Трофим.

— Дорога идёт от херцогской чаши.

— Много дорог куда-то идут.

Широкий стражник повернулся к нему всем корпусом.

— Угольщик, ты умничаешь?

— Нет, господин стражник. Я бедный, мне нельзя.

Сенька снова кашлянул. На этот раз Лиска наступила ему на ногу.

Писарь писал.

Мне это не нравилось.

— Вернёмся к разлому, — сказал он. — Кто первый его заметил?

Никто не ответил.

Вот это уже плохо.

Молчание иногда выглядит как сговор даже там, где люди просто не знают, какую ложь выбрать.

— Я, — сказал я.

Лиска резко посмотрела на меня.

Писарь поднял голову.

— Вы?

— Да.

— Из дома?

— Да.

— Через стену?

— Сначала слышал.

— Услышали разлом?

Вот тут его голос стал особенно ровным.

Опасная зона.

— Я слышал, что во дворе что-то не так, — сказал я. — Крики. Вода в канаве пошла обратно. Потом Сенька сбегал посмотреть.

— Сенька?

Рыжий парень замер, как мышь под сапогом.

— Семён Рыжов, — сказал я. — Он был снаружи.

Писарь повернулся к нему.

— Ты видел разлом?

— Ага, — сказал Сенька и тут же поправился: — Да, господин писарь.

— Где?

— У сарая Тишки-кожевника. Между столбом и канавой.

Сначала как туман, потом щель. Вода к ней тянулась, и твари полезли.

— Какие твари?

— Белые. Лысые. Мерзкие. С пастью... ну... как цветок, только если цветок очень хочет тебя сожрать.

Молодой стражник перекрестился местным знаком.

Писарь сделал пометку.

— Сколько?

Сенька задумался.

— Штук шесть? Семь? Одну Гвоздь снёс. Одну Лиска ножом. Клим рубил. Тишка вилой тыкал, но больше мешал.

— Эй! — донеслось с улицы возмущённое.

Тишка, конечно, подслушивал.

Стражник у двери рявкнул:

— Стоять там!

Тишка сразу вспомнил, что подслушивать безопаснее молча.

Писарь снова посмотрел на меня.

— И что сделали вы, Лютов?

— Лежал, — сказал я. — В основном.

— В основном?

— Иногда сидел. Плохая идея, кстати.

— Мне сообщили, что вы отдавали указания.

— Раненый человек тоже может орать.

— Что именно вы орали?

Слишком точный вопрос.

Я почувствовал, как Лиска напряглась. Гвоздь смотрел в пол. Сенька впервые за утро не нашёлся, что сказать.

Значит, мне.

Частичная правда.

Не чудо. Не дар. Не Контур. Не проценты.

Только грязь, вода и здравый смысл.

— Разлом держался на трёх вещах, — сказал я.

Писарь не моргнул.

— Откуда вы это знаете?

Рано.

Я сделал вдох. Бок кольнул.

— Потому что их было видно.

— Кому?

— Всем, кто смотрел.

— Я слушаю.

— Вода из канавы шла к щели. Значит, она её тянула или питала. У сарая торчал железный лом, он светился серым. Значит, через него тоже шло. И у нашей стены корень дёргался, хотя ветра не было. Всё.

Писарь молчал.

Стражник хмурился.

Сенька смотрел на меня с уважением человека, который впервые услышал ложь, почти не отличимую от инструкции.

— Вы хотите сказать, — медленно произнёс писарь, — что без подготовки, с арбалетным болтом в боку, на глаз определили опорные элементы нестабильного разлома?

— Я хочу сказать, что вода текла неправильно, железка светилась, а корень шевелился. Для этого не надо быть магистром.

— А затем приказали перекрыть воду, повернуть железный лом и сместить корень?

— Попросил.

— Попросили.

— Вежливо, насколько позволяли обстоятельства.

Лиска тихо фыркнула.

Писарь посмотрел на неё.

— Вам смешно?

— Нет, господин писарь. Вспомнила, как он вежливо орал, что мы все сдохнем, если Сенька сломает плотину не с той стороны.

Сенька обиженно сказал:

— Я сломал с той.

— После третьего объяснения.

— Зато спас Нижние навозом.

Молодой стражник не выдержал:

— Что?

Я закрыл глаза.

Вот теперь протокол станет интереснее.

Писарь поднял перо.

— Навозом?

— Запруда была из того, что нашлось, — сказал я быстро.

— Доски, тряпки, земля. Состав несущественен.

— Для истории существенен всякий состав, — сухо ответил писарь.

У него всё-таки было чувство юмора.

Это делало его ещё хуже.

Широкий стражник подошёл к окну, выглянул наружу.

— Разлом закрыт?

— Да, — ответил я.

— Твари?

— Мёртвые. Или рассыпались.

— Ядро?

— Не было.

Он повернулся ко мне.

— Откуда знаешь?

— Потому что если бы ядро сформировалось, разлом был бы устойчивее. Этот хлопнул почти сразу после нарушения опор.

Понял, что сказал, уже поздно.

Писарь перестал писать.

Даже Лиска закрыла глаза.

Тишина стала такой, что я услышал, как в печной трубе снова неправильно тянет дым.

Широкий стражник медленно произнёс:

— Ты откуда таких слов набрался, Лютов?

Хороший вопрос.

Слишком популярный сегодня.

— От людей, которые приходили после прачечной, — ска-

зал я.

Это была не совсем ложь. Макар мог слышать разговоры гильдейских после старого разлома. Дети часто слушают там, где взрослые думают, что они просто грязь у стены.

Писарь прищурился.

— Вы присутствовали при разломе в старой прачечной?

— Половина Клиньев присутствовала. Не по желанию.

Он сделал пометку.

Меня начинало раздражать это перо.

Каждый скрип — маленький гвоздь в крышку будущей проблемы.

— Есть свидетели, что именно после ваших указаний разлом закрылся, — сказал писарь.

— Есть свидетели, что после крика петуха встаёт солнце. Петух не маг.

Сенька посмотрел на меня с восторгом.

Писарь — без восторга.

— Вы сравниваете себя с петухом?

— В текущем состоянии — не в свою пользу.

Широкий стражник неожиданно хмыкнул.

Писарь нет.

Вот почему стражник всё ещё был человеком, а писарь — документом с пульсом.

— Лютов, — сказал он. — Вчера в херцогской чаще был зафиксирован малый разлом. Сегодня в Нижних Клиньях — ещё один. В обоих случаях рядом оказались вы. В обоих слу-

чаях разлом закрылся до прибытия гильдейских. Вчера вы получили херцогский болт. Сегодня отдавали указания при закрытии разлома. Вы понимаете, как это выглядит?

Да.

Прекрасно.

Это выглядело так, будто я либо спасатель, либо причина.

А бедному браконьеру никто не поверит в первый вариант, пока второй удобнее.

— Плохо, — сказал я.

— Подозрительно, — уточнил писарь.

— Это то же самое, только с правом ареста?

Лиска едва заметно качнула головой: не надо.

Поздно.

Писарь закрыл папку.

— При необходимости — да.

Мишка судорожно вдохнул.

Арина попыталась подняться.

— Он ранен...

— Это видно, — сказал писарь. — И именно поэтому я пока не требую доставить его в управу.

Пока.

Хорошее слово.

Очень длинная верёвка с петлёй на конце.

Широкий стражник скривился.

— А я бы доставил. Браконьер, вор, да ещё и с разломами мутит.

Гвоздь сделал ещё полшага.

На этот раз я не успел его остановить.

— Он людей спас, — сказал Гвоздь.

Голос у него был низкий. Без угрозы. От этого ещё опаснее.

Стражник повернулся к нему.

— Ты кто такой?

— Григорий Заболотный.

— По прозвищу Гвоздь? — спросил писарь, открывая папку снова.

Гвоздь помолчал.

— Да.

— Участник нескольких уличных драк. Подозрение в нанесении тяжкого вреда портовому грузчику.

— Он Лиску тронул.

— Это признание?

— Это объяснение.

Писарь сделал пометку.

Я прикрыл глаза.

С этим человеком нельзя было говорить. Любой звук он превращал в долговую расписку.

— Господин писарь, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

— Может, вы сначала осмотрите место разлома? Пока след не расплзся. Потом будете записывать, кого за что повесить.

Молодой стражник шагнул ко мне.

— Ты...

Писарь поднял руку, останавливая его.

— Разумное предложение.

Вот и хорошо.

Умный враг всегда страшнее дурака, но с ним хотя бы можно работать.

Писарь повернулся к широкому стражнику.

— Осмотреть место. Опросить Тишку, Клина, соседей. Проверить остатки тварей. Послать мальчишку в управу за малым кристаллом фиксации.

— Может, сразу за гильдейскими? — спросил стражник.

— Гильдейские придут, когда придут. К тому времени Нижние Клины успеют разобрать место на дрова, амулеты и страшные истории. Сначала фиксируем.

Он говорил сухо, но по делу.

Мне это не понравилось ещё больше.

Писарь снова обратился ко мне:

— Вы останетесь здесь.

— С радостью. Я вообще сегодня не планировал прогулок.

— До повторного опроса.

— Вот радость уменьшилась.

— И, Лютов...

Он наклонился чуть ближе.

Лиска напряглась.

— Если вы попытаетесь исчезнуть, я запишу это как признание.

— В чём?

— Выберем по обстоятельствам.

Да, писарь хуже стражника.

Стражники вышли наружу. Один остался у двери — не совсем внутри, не совсем снаружи. Сторожить. Писарь задержался на пороге, осмотрел нашу подпорку под балкой, потом печь, потом перекошенный косяк.

— Это тоже вы?

— Что именно?

— Подпорка. Печь. Дверной проём.

— Дверной проём сам.

— А подпорка и печь?

Я молчал.

Он подошёл к опоре, внимательно посмотрел на клин, на угол, на балку.

— Грубо, — сказал он. — Но верно.

Вот теперь он меня удивил.

— Вы разбираетесь?

— Я веду записи по аварийным строениям в нижних кварталах уже семь лет. Если бы кто-то наверху их читал, половину домов здесь давно бы расселили.

— А если бы не читал?

— Тогда ничего бы не изменилось. Как видите, не изменилось.

В этой фразе не было сочувствия.

Но и презрения не было.

Просто усталый факт.

Писарь провёл пальцем по трещине у косяка.

— Как вы узнали, что притолока сдвинется?

— Скрипела.

— Я не слышал.

— Вы не слушали.

Он повернулся ко мне.

Очень медленно.

Светлые глаза стали ещё внимательнее.

— А вы слушали?

— Я с болтом в боку. Делать особо нечего.

Молчание.

Потом он сказал:

— Меня зовут Савелий Ратников.

Не знаю, зачем он это сказал.

Может, потому что решил стать человеком, а не только функцией. Может, потому что имя — это тоже крючок. Может, потому что хотел, чтобы я понимал, кто именно меня запомнил.

Плохая новость во всех вариантах.

— Макар Лютов, — сказал я. — Но вы уже записали.

— Записал.

Он вышел.

Стражник у двери остался.

Комната выдохнула.

Сенька первым нарушил тишину:

— Ну, могло быть хуже.

Лиска посмотрела на него.

— Тебя могли записать как навозного инженера?

— Звучит прибыльно.

Гвоздь сел на лавку. Доски под ним жалобно скрипнули.

— Он тебя не отпустит.

— Писарь?

— Да.

— Знаю.

Мишка подошёл ко мне.

— Тебя заберут?

— Не сегодня.

— Ты всё время так говоришь.

— Это удобно. Сегодня — понятный срок.

Арина смотрела на дверь.

— Макар, что происходит?

Я хотел ответить честно.

Что не знаю.

Что вчера я умер в другом мире. Что теперь у меня в голове штука, которая видит трещины в домах и в реальности. Что херцогские могут прийти за браконьером. Что писарь уже складывает из меня дело. Что Пахом через три дня захочет долг. Что болт надо вынуть через сутки, иначе я могу сгореть от жара. Что ваш сын, возможно, уже не совсем ваш

сын, хотя я не знаю, делает ли это меня чудовищем или просто должником.

Вместо этого сказал:

— Пытаюсь разобраться, мам.

Она закрыла глаза.

— Ты всегда сначала делал, потом разбирался.

— Значит, буду менять порядок.

Лиска стояла у окна и смотрела, как стража ходит по двору.

— Они Тишку трясут.

— Давно пора, — сказал Сенька. — Он шкуры водой из канавы моет.

— Не об этом.

Она повернулась ко мне.

— Если Тишка скажет, что ты командовал...

— Он скажет.

— Если скажет, что без тебя бы не закрыли...

— И это скажет. Особенно если решит, что так он выглядит важнее.

Сенька поморщился.

— Тогда плохо.

— Да.

Гвоздь сжал кулак.

— Можно поговорить с Тишкой.

— Нельзя, — сказал я.

— Почему?

— Потому что если после вашего разговора он изменит показания, писарь это увидит. А если не изменит, получим ещё одну драку в деле.

Гвоздь подумал.

— Писарь хуже стражника.

— Я же говорил.

С улицы донёсся голос Савелия Ратникова. Спокойный, ровный. Он задавал вопросы. Люди отвечали перебивая друг друга, как всегда в Нижних. Потом он резко сказал что-то короткое, и все замолчали.

Умел.

Плохо.

Через некоторое время в дом заглянула Устинья. Она протиснулась мимо стражника с таким видом, будто тот был не представителем власти, а плохо поставленной табуреткой.

— Жив? — спросила она.

— Все сегодня начинают с этого.

— Потому что ответ неочевиден.

Она подошла, откинула край повязки и нахмурилась.

— Кровь пошла.

— Разлом был против постельного режима.

— Разломы часто невоспитанные.

Устинья работала быстро. Обработала, перетянула, заставила выпить ещё один горький отвар. Я не спорил. Когда человек удерживает тебя на этой стороне земли, лучше не критиковать вкус.

— Болт надо вынимать сегодня вечером или завтра утром,
— сказала она. — Дальше жар сожрёт.

— Денег нет.

— Я заметила, что тут не дворец.

— Сколько возьмёт резчик?

— Если я позову старого Мелентия — серебрушку и половину. Может, серебрушку, если скажу, что ты уже почти труп и торговаться не можешь.

— Половина серебра есть?

Лиска молча высыпала на стол наши деньги. Медь, половинник, две монеты Трофима.

Устинья посмотрела.

— Не хватает.

— Насколько?

— Если Мелентий будет добрый — на треть серебра. Если трезвый — на половину. Если злой — на всё.

— А если нет?

— Тогда я сама попробую. Но если наконечник раскрылся внутри, я могу тебя добить.

— Ценю честность.

— Она дешевле похорон.

Снаружи снова слышались шаги. Стражник у двери выпрямился.

Писарь вернулся.

В руках у него была серая тряпка, в которую что-то завернули. Он положил её на стол и развернул.

Остатки твари.

Вернее, то, что от неё осталось: серый хрупкий панцирь, похожий на высохшую кожу, тонкие костяные пальцы и кусок пасти, раскрытой на четыре части. Мишка сразу отвернулся. Арина побледнела. Сенька, наоборот, наклонился ближе.

— Не трогай, — сказал я.

Писарь посмотрел на меня.

— Почему?

Я сам не знал.

Просто Контур неприятно дрогнул.

Не вся тварь.

Только остаток.

[Объект: остаток малого разломного падальщика]Активность: остаточная.Риск:кратковременное токсическое воздействие при контакте со слизистыми;привлечение других падальщиков при наличии открытого разломного следа.Рекомендация:изоляция.сжигание после высушивания.

Голова заболела.

— Может быть ядовитой, — сказал я. — И запах может тянуть других тварей, если след ещё живой.

Писарь медленно завернул остатки обратно.

— Интересно.

— Нет, — сказал я. — Опасно.

— Одно другому не мешает.

Вот это была фраза человека, из-за которого происходят

лабораторные аварии.

— Откуда вы знаете?

— Предполагаю.

— На основании?

— Она падальщик. Реагировала на кровь, звук, тепло. Если тварь из разлома рассыпается не полностью, остатки могут сохранять связь со следом. Лучше сжечь.

Писарь смотрел на меня слишком долго.

— Вы говорите как гильдейский техник.

— Я говорю как человек, которого эта дрянь чуть не съела.

— Нет, Лютов. Большинство людей, которых чуть не съели, говорят проще.

— Мне больно. Я экономлю слова.

— Не похоже.

Устинья вмешалась:

— Господин писарь, если вы закончили пугать больного кускомдохлой мерзости, может, дадите ему не сдохнуть до вечера?

Ратников посмотрел на неё.

— Вы лечите его?

— А вы записываете. Каждый мучает как умеет.

Сенька тихо сказал:

— Бабка Устинья сегодня прекрасна.

Лиска шикнула.

Писарь, кажется, всё-таки почти улыбнулся. Почти.

— Лютов должен явиться в управу для повторного опроса, когда сможет ходить.

— Он сейчас не сможет ходить даже до нужника без переговоров с предками, — сказала Устинья.

— Тогда через три дня.

— Через три дня он может быть мёртв.

— Тогда явка отменяется.

Мне определённо не нравился этот человек.

Писарь достал из папки небольшой лист, быстро написал несколько строк и положил на стол.

— Предписание. Макар Лютов обязан оставаться в Нижних Клиньях до повторного опроса. Самовольный уход из района будет рассматриваться как попытка скрыться.

— А если мне к лекарю? — спросил я.

— С уведомлением стражи.

— А если разлом?

Он посмотрел на меня.

— Особенно с уведомлением стражи.

Прекрасно.

Меня только что привязали к району бумажкой.

В старом мире это называлось административной мерой. Здесь, видимо, тоже умели делать жизнь неприятной без лишнего шума.

— Разлом, по предварительной оценке, будет записан как самопроизвольно закрывшийся вследствие действий жителей, — сказал писарь. — Ваше имя будет указано среди сви-

детелей.

Среди свидетелей.

Не среди виновников.

Пока.

— Благодарю, — сказал я.

— Не стоит. Это не оправдание. Это формулировка до выяснения.

— Разумеется.

Он убрал папку.

— И ещё.

Вот это “и ещё” мне сразу не понравилось.

— До прибытия гильдейского осмотрщика место разлома никто не трогает. Остатки тварей не продавать, не сушить, не молоть в порошок, не давать детям играть.

Сенька возмутился:

— Да кто бы...

Писарь посмотрел на него.

Сенька замолчал.

В Нижних, видимо, продавали и мололи всё, что не успевало убежать.

— Если кто-то нарушит, — продолжил Ратников, — отвечать будет дом, ближайший к месту разлома.

Я медленно повернул голову.

Ближайший дом.

Наш.

— То есть мы.

— Да.

— Удобно.

— Обычно власть такой и бывает.

Он сказал это без насмешки. Просто факт.

После этого Савелий Ратников вышел.

Стражники ушли следом, оставив после себя грязь на полу, предписание на столе и ощущение, что комната стала меньше.

Некоторое время никто не говорил.

Потом Сенька выдохнул:

— Ну... тебя не забрали.

— Радость дня, — сказал я.

Лиска взяла лист со стола, посмотрела на буквы, нахмурилась.

— Что тут?

Мишка подошёл ближе.

— Я немного читаю.

Он начал медленно разбирать написанное. Арина слушала с закрытыми глазами. Гвоздь стоял у двери. Устинья собирала свои тряпки.

А я смотрел на потолочную балку.

Стабильность дома немного выросла. Стабильность моей жизни — сомнительно.

Теперь у нас было:

болт, который надо вынуть; долг Пахому; предписание писаря; след разлома у стены; слухи по кварталу; и, вероятно,

херцогские ловчие, которые рано или поздно узнают, что браконьер не умер.

Список задач выглядел бодро.

Почти как план капитального ремонта объекта, который уже горит.

В дверь снова постучали.

На этот раз осторожно.

Все напряглись.

— Да что ж за день такой, — прошептала Лиска.

В проёме появился дед Яр, бывший каменщик. Тот самый, что спрашивал, кто сказал, где тянуть.

Он вошёл медленно, опираясь на палку, и посмотрел на меня.

— Лютов.

— Дед Яр.

Имя пришло из памяти Макара, но старик заметил паузу.

— Помнишь ещё.

— Кусками.

— После болта бывает.

Он подошёл к столу и положил на него маленькую серебряную монету.

Настоящую.

Комната застыла.

Лиска первой нашла голос:

— Это за что?

— За работу.

— Какую?

Дед Яр кивнул в сторону улицы.

— У вдовы Марфы навес над мастерской повелю. Ещё один дождь — задавит ей внучку или разнесёт полстены. Я посмотрел — плохо. Но глаз уже не тот, нога не та. А этот, — он ткнул палкой в мою сторону, — видит.

— Он ранен, — сказала Арина.

— Потому и не пойдёт. Его принесут к окну или на лавку. Посмотрит. Скажет, куда ставить. Мы сделаем.

Я смотрел на монету.

Серебро.

Не всё, что нужно. Но уже жизнь.

— Почему вы верите, что я смогу? — спросил я.

Дед Яр усмехнулся.

— Не верю. Проверю. Если соврёшь — заберу монету обратно. Если прав окажешься — завтра пол-Клиньев придёт.

Лиска тихо сказала:

— Вот теперь точно плохо.

Да.

Потому что деньги были нужны.

А внимание — опасно.

Я посмотрел на серебрушку, потом на предписание писаря, потом на Мишку, который всё ещё держал край моего рукава.

В старой жизни я много раз видел объекты, где ремонт откладывали слишком долго.

В новой, похоже, объектом был весь мой мир.

Я взял монету.

— Ладно, — сказал я. — Посмотрим, что у вашей вдовы держится на честном слове.

Дед Яр кивнул.

— Всё, Лютов. В Нижних всё.

И впервые за это утро я не нашёл, что возразить.

Глава 6. Первая работа

Переносить раненого человека по Нижним Клиньям оказалось делом несложным.

Если, конечно, не спрашивать самого раненого.

Гвоздь подхватил меня под левую руку так, будто я был мешком с углём, который по какой-то причине ещё огрызался. Сенька шёл справа, придерживая доску, привязанную к болту, и всё время повторял, что если меня уронят, то виноват будет не он, а неровная улица, плохая погода и общее состояние мира.

Лиска шла впереди с ножом и лицом человека, которому очень хотелось ударить кого-нибудь просто для профилактики.

— Если уронишь меня, Гвоздь, я буду недоволен, — сказал я.

— Если уроню, тебе уже будет всё равно.

— Вот поэтому и предупреждаю заранее.

Сенька хмыкнул.

— Лютый стал вежливый. Мир точно треснул.

— Он и треснул, — сказала Лиска. — Ты проспал?

— Я спас Нижние навозной плотинной. У меня теперь право на комментарии.

— У тебя теперь запах на три дня.

— Истинный герой пахнет обстоятельствами.

Гвоздь молча переставил меня удобнее.

Боль в боку решила, что её мнения недостаточно учитывают, и вспыхнула так, что я на несколько секунд перестал слышать Сеньку. Это было почти приятно. Но потом слух вернулся.

В Нижних Клиньях уже знали.

Не всё, конечно. Здесь редко знали всё. Зато быстро знали достаточно, чтобы пересказать дальше с улучшениями.

Из дверей и окон на нас смотрели люди. Кто-то крестился. Кто-то шептался. Кто-то при виде меня сразу прятал взгляд — старый Макар явно успел оставить в памяти квартала не только благодарности. Пара мальчишек побежала следом, пока Лиска не повернулась и не сказала:

— Ещё шаг — и будете помогать Устинье мыть его повязки.

Мальчишки исчезли так быстро, что я оценил эффективность угрозы.

Улица, если это можно было назвать улицей, тянулась вдоль канавы. Дома стояли тесно, криво, с пристройками, подпорками, навесами и лестницами, которые нарушали все известные мне нормы безопасности и, вероятно, несколько неизвестных. Всё здесь было временным. Даже то, что стояло по тридцать лет.

Временное, если его не трогать, часто становится историческим.

А потом падает.

Контур зудел где-то за глазами. Не включался полностью, но реагировал на окружающее, как нервный мастер на цех, где каждый насос стучит не в такт. Я старался не смотреть слишком внимательно. Если начать анализировать весь квартал, меня можно будет сразу заносить обратно и класть рядом с Ариной.

Не всё.

Только работа.

Только навес вдовы Марфы.

Дед Яр шёл впереди. Палка стучала по грязным камням. Его хромая походка выглядела медленной, но почему-то мы всё равно едва успевали. Старик ни разу не оглянулся, будто был уверен: если уж я взял серебро, меня донесут.

Рабочий подход.

Мне нравился.

— Далеко ещё? — спросил Сенька.

— Два дома, — ответил дед Яр.

— Вы это уже три дома назад говорили.

— Значит, плохо считаешь.

— Я считаю прекрасно. Особенно чужие деньги.

— Поэтому и живёшь как крыса.

— Крысы умные.

— И коротко живут.

Сенька задумался.

— Убедительно, но обидно.

Мы свернули в узкий проход между двумя стенами, где

пахло мокрой шерстью, старой золой и чем-то кислым. За проходом открылся маленький двор. Слева стоял низкий дом, справа — навес над мастерской, если эту конструкцию можно было так назвать.

Я сразу понял, почему дед Яр пришёл.

Навес не стоял.

Он договаривался с землёй об отсрочке.

Четыре стойки, две поперечные балки, крыша из старых досок и обломков черепицы. Левая передняя опора просела. Правая выглядела гнилой, но ещё держалась. Крыша перекосилась, и весь навес ушёл диагональю, словно его кто-то медленно выкручивал. Под ним стояли верстак, сундук с инструментами, связки каких-то деревянных заготовок и маленькая девочка лет семи, которая держала куклу без головы.

— Кира! — рывкнула женщина у двери. — Отойди оттуда!

Девочка отскочила.

Из дома вышла вдова Марфа.

Я узнал её по памяти Макара смутно. Он когда-то украл у неё моток проволоки. Потом вернул. Не из совести — Лиска заставила, потому что Марфа одна растила внучку и “у таких не берут, если ты не совсем падаль”.

Марфа была невысокая, крепкая, с тёмным платком на голове и руками, которые привыкли держать инструменты, тесто, ребёнка и жизнь одновременно. Она посмотрела на ме-

ня без всякого умиления.

— Его?

— Его, — сказал дед Яр.

— Он же еле живой.

— Глаза живые.

— Руки вороватые.

— Сегодня не руками работать будет.

Марфа подошла ближе, остановилась в двух шагах.

— Макар Лютов.

— Вдова Марфа.

— Помнишь хоть, как меня зовут?

— Кусками.

— Удобная болезнь.

— Не очень. Болит.

Она посмотрела на мой бок, на доску, на повязку, потом на Лиску.

— Он не помрёт у меня во дворе?

— Стараюсь не дать, — сказала Лиска. — Но он упрямый.

— Это я помню.

Марфа достала из кармана передника маленькую монету и зажала в кулаке.

— Я плачу не Лютову, — сказала она. — Я плачу глазам, которые сегодня закрыли разлом. Если глаза соврут — Лютову больше в мой двор лучше не заходить. Даже умирающим.

— Справедливо, — сказал я.

— Ещё бы ты спорил.

Гвоздь и Сенька посадили меня на низкую лавку у стены. Сели — громко сказано. Скорее аккуратно сложили, как повреждённую деталь, которую пока не решили выбрасывать. Бок пульсировал. Перед глазами плавали тёмные точки.

Лиска сразу присела рядом и проверила повязку.

— Крови больше.

— Это потому что я наслаждаюсь прогулкой.

— Ещё слово — и понесу обратно.

— Ты не донесёшь.

— Тогда брошу здесь.

— Мотивирует.

Дед Яр встал рядом с навесом и ткнул палкой в правую стойку.

— С виду вот эта хуже. Гнилая.

Марфа кивнула.

— Я её и хотела менять.

— А я сказал — не трогать, пока не посмотрим.

Старик повернулся ко мне.

Проверяет.

Хорошо.

Я посмотрел на навес.

Не весь двор.

Не дом.

Не людей.

Только навес.

Сначала контур пришёл мягко — линии по стойкам, нагрузка в балках, перекося крыши. Потом резче, глубже. Левая опора вспыхнула тусклым жёлтым. Поперечная балка — красным у стыка. Правая гнилая стойка, как ни странно, была почти ни при чём. Она выглядела хуже, чем работала. Бывает. Внешний вид часто врёт. Особенно у старых конструкций и людей.

[Фокусированный анализ]Объект: навес мастерской.Состояние: аварийное.Несущая устойчивость: 29%Критические зоны:левая передняя опора;поперечная балка;крепление крыши.Условие обрушения:дождь;боковой ветер;ударная нагрузка;попытка замены правой стойки без разгрузки.Рекомендация:разгрузить крышу;установить временную диагональную связь;заменить или усилить левую опору;правую стойку не трогать до стабилизации.

Голова кольнула, но терпимо.

Я выдохнул.

— Правая гнилая, но не главная.

Марфа нахмурилась.

— Она же труха.

— Снаружи. Она почти не несёт перекося. Если её сейчас выбить, крыша уйдёт на левую сторону и потащит поперечину. Вот левая — хуже. Не потому что гнилая. Потому что держит то, что не должна.

Дед Яр прищурился.

— Почему левая?

Я указал рукой, стараясь не двигать корпус.

— Крыша съехала туда. Поперечная балка давит на левый узел с перекосом. Правая стойка выглядит страшнее, но она уже почти разгружена. Если Марфа начнёт менять правую, вся нагрузка пойдёт через левую и стык лопнет.

Старик молчал.

Потом подошёл к левой стойке, постучал палкой у основания, посмотрел вверх, провёл пальцем по месту соединения балки.

— М-м.

Это было не согласие.

Но уже и не отрицание.

— А если дождь? — спросил он.

— Рухнет не сразу. Сначала поведёт крышу, потом лопнет стык. Если в это время под навесом будет ребёнок — не успеет убежать.

Марфа резко обернулась к внучке.

— Кира, в дом.

— Баб...

— В дом.

Девочка ушла, прижимая безголовую куклу к груди.

Марфа посмотрела на меня уже иначе. Не тепло. Тепла от неё вообще ждать было рано. Но внимательнее.

— Что делать?

Вот это был главный вопрос дня.

И второй человек за два дня задал его мне, не требуя сна-

чала доказать, что я не мерзавец.

Я посмотрел на навес ещё раз.

— Сначала убрать тяжёлое с крыши. Вон ту черепицу и мокрые доски. Не всю крышу — только левый край. Потом поставить диагональную связь от задней правой стойки к передней левой. Потом под левую опору клин и короткую подставку. Не поднимать резко. Только принять часть нагрузки. После этого можно будет думать о нормальной замене.

Сенька почесал затылок.

— Можно на человеческом?

Дед Яр хмыкнул.

— С крыши снять хлам. Доску наискось поставить. Левую стойку подпереть. Правую не трогать, пока не скажут.

— Вот, — сказал я. — На человеческом.

Марфа перевела взгляд с меня на деда Яра.

— Он прав?

Старик не спешил.

Мне это понравилось. Быстро соглашаются либо дураки, либо те, кому всё равно.

— Похоже, прав, — сказал он наконец. — По крайней мере, не гадает. Видит нагрузку.

Вот теперь двор изменился.

Не сильно. Просто люди, которые уже начали подтягиваться к воротам, перестали шептаться и стали слушать.

Плохой знак.

И хороший.

— Работать будем? — спросил Гвоздь.

— Будем, — сказал дед Яр. — Ты, здоровый, держишь балку. Рыжий — на крышу, но аккуратно. Лиска — смотри, чтоб никто под навес не лез. Клим где?

— У разломного следа остался, — ответила Лиска. — Стража его допрашивает, как будто он тварей сам родил.

— Ладно. Обойдёмся.

— Я тоже помогу, — сказал Сенька и тут же добавил: — Но если упаду с крыши, виноват будет Лютый.

— Если упадёшь, я скажу, что предупреждал, — ответил я.

— Ты не предупреждал.

— Считаю, сейчас предупредил.

Ремонт начался.

Вернее, то, что в Нижних Клиньях называли ремонтом: несколько людей, мало инструментов, сомнительные материалы и сильное желание не быть раздавленными.

Сенька залез на крышу с ловкостью крысы, которую он, видимо, считал комплиментом. Снял первую мокрую доску, передал вниз. Гвоздь держал стойку. Дед Яр командовал руками, я — нагрузкой. Марфа сама принесла верёвку и старую, но крепкую доску для диагонали. Лиска гоняла от ворот любопытных.

— Не лезь! — рявкнула она на какого-то мальчишку. — Хочешь узнать, как выглядит балка изнутри?

— А ты знаешь?

— Если не отойдёшь, узнаешь первым.

Мальчишка отступил.

Я следил за навесом.

Каждое снятие доски меняло картину. Нагрузка уходила рывками. Иногда хорошо. Иногда опасно. Пришлось останавливать Сеньку три раза.

— Не эту.

— Почему?

— Она держит соседнюю.

— Доска держит доску?

— Добро пожаловать в строительство бедных районов.

— А эту?

— Эту можно.

— Ты уверен?

— Нет. Поэтому медленно.

Он послушался.

Доска ушла. Навес скрипнул, но остался.

[Нагрузка кровли снижена] Несущая устойчивость: 29% → 34% Риск мгновенного обрушения: снижен.

Мало.

Но начало.

Когда ставили диагональную связь, Гвоздь наконец проявил себя. Он не просто был сильным. Он чувствовал вес. Не умел объяснять, но понимал телом, когда доска принимает нагрузку, а когда просто стоит для красоты.

— Ниже, — сказал я.

Гвоздь сдвинул.

— Ещё.

Он сдвинул на палец.

— Стоп.

— Тут?

— Тут.

Дед Яр посмотрел, прищурился, потом кивнул.

— Тут.

Гвоздь забил первый гвоздь.

Потом второй.

Старый гвоздь погнулся. Сенька сверху засмеялся. Гвоздь поднял на него взгляд.

Сенька перестал.

Второй гвоздь вошёл нормально.

[Диагональная связь установлена]Эффективность:
62%Несущая устойчивость:34% → 46%

Я почувствовал странное удовлетворение.

Не радость. Не гордость.

То самое тихое ощущение, когда на объекте после долгого шума наконец стрелка прибора уходит из красной зоны. Ещё не хорошо. Но уже можно дышать.

— Левую опору, — сказал я.

Марфа принесла короткий брус. Дед Яр ругнулся, сказал, что брус кривой. Я посмотрел через Контур.

Кривой, но плотный.

— Подойдёт.

— Кривой, — повторил дед.

— Зато целый. Поставить выпуклостью наружу. Так лучше примет боковую.

Старик посмотрел на меня.

— Ты где этому учился, Лютов?

Опять.

— Долго объяснять.

— Я старый. Мне некуда спешить.

— Мне есть. Болт.

Он хмыкнул.

— Допустим.

Брус поставили. Клин подбили снизу. На этот раз я сам попросил остановиться после второго удара.

— Ещё можно, — сказал Гвоздь.

— Можно. Но не надо.

— Почему?

— Перенапряжём стык. Сейчас он держит. Если хотим лучше — надо разгружать сверху и менять балку, а не забивать клин до победы.

Дед Яр кивнул.

— Верно.

Вот это “верно” было дороже монеты.

Не потому что мне нужен был наставник. А потому что в глазах тех, кто стоял у ворот, старый каменщик только что подтвердил: Лютов не бредит.

Он видит.

[Временная стабилизация выполнена] Несущая устойчивость: 29% → 54% Риск обрушения: высокий → низкий при текущей нагрузке. Ограничение: при сильном дожде или дополнительной нагрузке требуется повторная проверка. Навык: Практическая стабилизация +0.4% Навык: Фокусированный анализ +0.2%

Пятьдесят четыре.

Не отлично.

Но если бы этот навес был человеком, я бы сказал: из леса выполз.

Сенька спрыгнул с крыши, едва не попал ногой в ведро, сделал вид, что так и планировал, и поклонился Марфе.

— Ваш навес временно решил пожить.

Марфа не улыбнулась. Подошла к левой опоре, потрогала брус, потом диагональ, потом подняла взгляд на крышу.

— Держит.

Дед Яр стукнул палкой по земле.

— До дождей держать будет. Потом надо нормально делать. Балку менять, крышу снимать, стойки новые.

— На какие деньги? — сухо спросила Марфа.

Старик пожал плечами.

— Это уже не к дереву вопрос.

Она долго молчала.

Потом подошла ко мне.

В её руке была та самая монета. Серебряная. Не большая, потёртая, но настоящая.

Она положила её мне на ладонь.

— Заработал.

Монета была тёплой от её руки.

Я смотрел на неё дольше, чем следовало.

В старой памяти Макара деньги пахли страхом, бегом и чужими карманами.

Эта монета пахла гнилой балкой, потом, грязью и работой.

Странно, но держать её было легче.

— Спасибо, — сказал я.

Марфа прищурилась.

— Ты это слово где выкопал?

— Под болтом, видимо.

— Не привыкай. Я не простила тебе проволоку.

— Вернул же.

— Через Лиску. И с таким лицом, будто тебя ограбили.

— Значит, было за что расти.

Она фыркнула и неожиданно сунула мне в другую руку небольшой свёрток.

— Хлеб. И мазь. Не для тебя — для Арины. От кашля немного не поможет, но грудь греть будет.

Не поможет, но будет.

Очень честно.

— Спасибо, — повторил я.

— Второй раз уже лишний.

Она отвернулась и пошла к внучке, которая выглядывала из-за двери.

У ворот зашумели.

Люди поняли, что работа закончена и никто не умер. В Нижних это считалось удачным зрелищем.

Первым подошёл мужик с перевязанной рукой.

— Лютов, а если у меня сарай кренится...

— Очередь, — сказала Лиска.

— Какая очередь?

— Платная.

Сенька тут же оживился.

— Записываем! Осмотр кривых сараев, хрипящих печей, телег, которые хотят стать дровами, и прочего имущества, находящегося на грани духовного перехода.

— Заткнись, — сказала Лиска.

— Я рекламу делаю.

— Ты позоришь процесс.

Дед Яр посмотрел на меня.

— Процесс, значит.

— Сам удивлён, — сказал я.

К воротам подошла женщина с красными руками прачки.

— У меня печь дымит.

— У всех дымит, — сказал кто-то.

— У меня так, что дети синие.

Лиска сразу стала серьёзной.

— Есть чем платить?

Женщина смутилась.

— Медью. И мылом могу.

Лиска посмотрела на меня.

Я хотел сказать нет. Мне нужно было домой, лечь, не умереть, дожидаться резчика, вынуть болт и перестать быть центром квартальной ярмарки аварий.

Но дети синие от дыма.

Плохие системы любят приходить пачками.

— Не сегодня, — сказал я. — Адрес скажи. Если доживу до завтра — посмотрю.

Женщина кивнула так, будто получила больше, чем ожидала.

Потом подошёл Трофим.

Не знаю, откуда он взялся. Видимо, угольщики появляются там, где пахнет дымом и долгом.

— Колесо, — сказал он.

— Я помню.

— Я снял. Трещина там, где ты сказал.

— Хорошо.

— Ничего хорошего. Новая ступица стоит как две мои почки.

— На рынке почки принимают?

— В Нижних скоро начнут.

Он почесал бороду.

— У меня навес угольный у склада просел. Не срочно. Но если упадёт — придавит товар. Посмотришь? Заплачу.

Лиска прищурилась.

— Сколько?

Трофим посмотрел на неё, потом на меня.

— Полсеребра.

Сенька присвистнул.

— За посмотреть?

— За посмотреть и сказать, что делать. За сделать — от-
дельно, если не помрёт.

Гвоздь коротко сказал:

— Надо брать.

Я посмотрел на Лиску.

Она уже считала в уме. Серебро от Марфы, мелочь дома,
две монеты Трофима, теперь полсеребра — если получится.
До Мелентия почти хватало. Почти.

Это слово снова встало между нами и жизнью.

— Сегодня не смогу, — сказал я.

Трофим кивнул на мой бок.

— Вижу.

— Если резчик вытащит болт и я не сдохну, завтра.

— Если сдохнешь, долг спишу.

— Щедро.

— Я такой.

Дед Яр вдруг сказал:

— Сегодня вечером он никуда не пойдёт. И вы его не по-
тащите. Хватит. Он сейчас на упрямстве сидит, а оно, в от-
личие от балки, подпорок не любит.

Я хотел возразить.

Но в этот момент мир качнулся.

Лавка подо мной словно ушла вниз, звук людей стал далёким, а боль в боку поднялась волной до горла. Лиска успела подхватить меня за плечо.

— Всё. Домой.

— Я сам...

— Ты сейчас даже врать сам не можешь.

Справедливо.

Обратный путь помню хуже.

Фрагментами.

Гвоздь держит меня. Сенька несёт свёрток с хлебом и почему-то гордо сообщает каждому встречному, что “мастер работает только по записи”. Лиска ругается. Дед Яр стучит палкой впереди. Люди смотрят уже не так, как утром.

Не как на мертвеца, вернувшегося из чащи.

Не как на вора.

Пока ещё не как на мастера.

Скорее как на опасную полезность.

В Нижних Клиньях это была почти репутация.

Когда мы вернулись, у дома стояла Устинья.

Рядом с ней — старик с кожаным свёртком инструментов и лицом человека, который за жизнь видел больше ран, чем праздников.

— Это Мелентий, — сказала Устинья. — Резчик.

Мелентий посмотрел на меня, на мой бок, на людей вокруг, потом на Лиску, которая держала деньги.

— Деньги есть?

Лиска раскрыла ладонь.

Серебро Марфы. Медь. Половинник. Всё наше маленькое богатство.

Мелентий пересчитал взглядом.

— Не хватает.

Вот оно.

Почти.

В Нижних Клиньях это слово всегда звучало как издёвка.

Лиска сжала кулак.

— Сколько?

— Треть серебра.

— После работы отдадим.

— После работы он может умереть. С мёртвых брать трудно.

— Зато совесть чистая, — сказал Сенька.

Мелентий посмотрел на него.

— Совесть не ест.

Трофим, который пришёл следом, вздохнул и достал из-за пазухи несколько монет.

— Запиши на меня.

Я повернул голову.

— Не надо.

— Надо, — сказал он. — Завтра посмотришь склад. Если умрёшь — я буду считать себя благородным дураком. Раз в жизни можно.

Лиска взяла монеты раньше, чем я успел возразить.

— Спасибо, — сказала она.

— Это не бесплатно.

— Конечно.

Мелентий пересчитал снова и кивнул.

— Теперь можно резать.

Арина у окна закрыла лицо рукой.

Мишка побледнел.

Гвоздь молча вынес из комнаты лишнюю лавку. Сенька вдруг перестал шутить. Лиска положила деньги на стол и подошла ко мне.

— Будет больно, — сказала она.

— Сегодня все соревнуются, кто скажет это чаще.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Устинья начала готовить тряпки, кипяток, травы. Мелентий раскладывал инструменты. Металл был старый, но чистый. Это внушало осторожную надежду.

Контур тихо мигнул, когда я посмотрел на инструменты:
[Объект: хирургический инструмент]Состояние: удовлетворительное.Риск заражения: умеренный.Рекомендация: обжиг / спиртовая обработка.

— Обжечь, — сказал я.

Мелентий поднял глаза.

— Что?

— Инструменты. Обжечь. И спиртом, если есть.

Он долго смотрел на меня.

Потом на Устинью.

— Он всегда такой?

— Сегодня особенно.

— Обжечь можно, — сказал резчик. — Спирта мало.

— Лучше мало, чем никак.

Мелентий хмыкнул.

— Раненый умник. Люблю таких. Они кричат обоснованно.

Я лёг на тюфяк.

В руке всё ещё была монета Марфы. Не вся — её уже отдали. Но память о её тяжести осталась в ладони.

Первая работа.

Первое честное серебро.

И теперь оно уйдёт не на еду, не на крышу, не на лекарство матери, а на то, чтобы вытащить из меня херцогское железо.

Тоже ремонт.

Самый срочный.

Мелентий наклонился над раной.

— Держать будете?

Гвоздь подошёл к плечам. Лиска — к руке. Трофим остался у двери. Сенька внезапно сказал:

— Я тоже.

— Тебя вырвет, — сказала Лиска.

— Возможно. Но вдруг красиво.

— Встань у ног, — сказал Гвоздь.

Мишку вывели к Арине, но он всё равно смотрел из-за её

крути.

— Ты мне ещё командовать будешь?

— Да, — прошептал я. — Если хочу жить.

Устинья резко сказала:

— Делай, как говорит.

Мелентий выругался.

Но изменил угол.

И потянул.

На этот раз боль была не белой.

Чёрной.

Потом что-то горячее вышло из меня вместе с железом, Устинья прижала тряпки, Гвоздь удержал мои плечи, Лиска выругалась так, что даже Мелентий уважительно моргнул.

Контур погас.

Комната отдалилась.

Где-то далеко Мелентий сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.